

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 1 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений	3
условия содержания в местах лишения свободы	3
практика Европейского Суда по правам человека	3
вопросы наличия в государстве-участнике Конвенции о защите прав человека и основных свобод эффективных средств правовой защиты права лица на надлежащие условия содержания в местах лишения свободы, в том числе во время их транспортировки.....	18
практика Европейского Суда по правам человека	18
вопросы одиночного заключения	24
практика Европейского Суда по правам человека	24
право на уважение личной жизни	25
практика Европейского Суда по правам человека	25
право на уважение семейной жизни	25
практика Европейского Суда по правам человека	25
вопросы осуществления консульской защиты	25
практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин.....	25
В сфере социально-трудовых отношений	27
вопросы социального обеспечения.....	27
практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин.....	27
В сфере гражданско-процессуальных отношений	31
право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу.....	31
практика Европейского Суда по правам человека	31
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	32
запрет пыток, иного недопустимого обращения	32
практика Европейского Суда по правам человека	32
практика Комитета по правам человека	35
право обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность	39
практика Комитета по правам человека	39
право обвиняемого на публичное судебное разбирательство	39
практика Европейского Суда по правам человека	39
право обвиняемого на личное участие в судебном разбирательстве	42
практика Европейского Суда по правам человека	42
право обвиняемого на участие защитника	44
практика Комитета по правам человека	44
вопросы семейно-бытового насилия	44
практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин.....	44

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика межгосударственных органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

¹ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

В сфере административно-правовых отношений

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека (далее также - Европейский Суд, Суд) по жалобе № 18255/10 и 5 другим жалобам *«Томов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 9 апреля 2019 г., вступило в силу 9 июля 2019 г.), которым, наряду с нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее также - Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция) в отношении заявителей, установлено наличие в Российской Федерации структурной проблемы необеспечения надлежащих условий транспортировки и конвоирования подозреваемых, обвиняемых и заключенных.

Общие принципы, касающиеся абсолютного запрета бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в контексте лишения свободы, прочно закреплены в прецедентной практике Суда. Государства должны обеспечить содержание лица под стражей в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, способ и метод исполнения этой меры не должны подвергать его страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей, и с учетом практических требований заключения его здоровье и благополучие должны быть надлежащим образом защищены. Даже отсутствие намерения унижить или оскорбить содержащееся под стражей лицо, поместив его или ее в плохие условия, хотя это и является фактором, который следует принимать во внимание, не исключает возможности установления нарушения статьи 3 Конвенции, поскольку власти государства-ответчика обязаны организовать свою пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства содержащихся под стражей лиц, независимо от каких-либо финансовых или материально-технических затруднений (пункт 114 постановления).

Что касается стандартов, выработанных национальными властями или международными организациями, такими как Комитет по предупреждению пыток (далее — «КПП», «ЕКПП»), то Суд напомнил, что, хотя [указанные институты] и могут предоставить информацию.... [при] анализе предполагаемого нарушения, [их стандарты] не могут являться решающим фактором для его оценки ситуации с точки зрения статьи 3 Конвенции. Это так, потому что Суд должен рассматривать отдельные дела на основании конкретных фактов, в то время как ЕКПП и национальные органы власти разрабатывают стандарты общего применения, которые направлены на то, чтобы предотвратить аналогичные нарушения. Тем не менее, Суд

внимательно рассматривает дела, в которых... фактические условия не соответствовали применимым стандартам, разработанным КПП (пункт 116 постановления).²

Суд уже давно выработал прецедентную практику в отношении условий, в которых заявителей перевозят в тюремных фургонах из следственных изоляторов в суды и обратно. Начиная с дела *«Худоеров против России»*..., он устанавливал нарушение статьи 3 [Конвенции] во многих делах, в которых заявителей перевозили в чрезвычайно стесненных условиях. В распоряжении заявителей имелось менее 0,5 квадратных метров, причем у некоторых из них имелось всего 0,25 квадратных метра [личного пространства] (пункт 117 постановления).

Суд также отмечал, что высота камер (1,6 метра) была недостаточной для того, чтобы человек нормального роста мог входить или стоять, не наклоняясь, и поэтому заключенным приходилось все время оставаться в сидячем положении внутри фургона... В дополнение к ограниченному пространству иногда общее количество заключенных в тюремных фургонах превышало их нормативную вместимость, что еще больше усугубляло ситуацию заявителей... Недостаточная вентиляция в жаркие дни и отсутствие отопления, когда фургон стоял с выключенным двигателем, также были отмечены в качествеотягающих факторов (пункт 118 постановления).

Суд принимает во внимание частоту и количество поездок в таких условиях, а также их продолжительность. Суд устанавливал нарушение статьи 3 [Конвенции] в делах, в которых заявители перевозились в таких условиях десятки или даже сотни раз. И наоборот, в делах, в которых заявитель находился в таких условиях непродолжительное время, Суд устанавливал, что «минимальный порог жестокости достигнут не был... [когда] заявитель находился в переполненном тюремном фургоне всего двадцать три минуты, и.... [когда] заявитель отказался продолжить поездку после 20-минутного пребывания в фургоне (пункт 119 постановления).

Что касается мер безопасности, которые снижают риск получения травм в движущемся транспортном средстве, Суд установил, что «отсутствие ремней безопасности само по себе не может привести к нарушению статьи 3 [Конвенции]... Вместе с тем он отметил, что при определенных обстоятельствах и в сочетании с другими факторами отсутствие ремня безопасности или ручек может привести к нарушению статьи 3» (пункт 120 постановления).

Суд рассматривал несколько дел по жалобам на условия перевозки ж/д транспортом. Эти жалобы в основном подавались осужденными

² «Суд подчеркивает важность роли КПП в мониторинге условий перевозки и стандартов, которые он разработал для этой цели... При рассмотрении дел, касающихся условий перевозки, Суд внимательно следит за этими стандартами и их соблюдением Договаривающимися Странами» (пункт 128 постановления).

заклученными, которых перевозили на большие расстояния к месту отбывания наказания. Общая продолжительность перевозок составляла от двенадцати часов до нескольких дней. Очень стесненные условия, в которых в камерах площадью три квадратных метра находилось более десяти человек, стали решающим фактором для вынесения Судом постановления о нарушении статьи 3 (пункт 121 постановления).

В одном деле заявитель перевозился один в малой камере площадью два квадратных метра в течение шестидесяти пяти часов. Однако в соответствии с правилами перевозки заключенных охранники проверяли его и заставляли менять положение каждые два часа. Суд счел, что лишение сна в результате таких действий стало тяжелым физическим и психологическим испытанием для заявителя (пункт 122 постановления).

Суд повторил, что оценка того, имело ли место нарушение статьи 3 [Конвенции], не может быть сведена просто к численному расчету пространства, доступного задержанному во время перевозки. Только комплексный подход к конкретным обстоятельствам дела может дать точную картину реальной ситуации перевозимого лица (пункт 124 постановления).

Тем не менее, Суд посчитал, что, когда задержанных перевозят на транспортных средствах, в которых им доступно менее 0,5 квадратных метров на человека, возникает твердая презумпция нарушения... Вопрос о том, являются ли такие стесненные условия следствием чрезмерного количества заключенных, перевозимых вместе, или тесных камер, несущественен для анализа Суда, который сосредотачивает внимание на фактических условиях перевозки и на их влиянии на заявителей, а не на их причинах. Низкий потолок, особенно в одиночных камерах, из-за которого заключенные вынуждены наклоняться, может усугубить физические страдания и усталость. Ненадлежащая защита от наружных температур, когда камеры заключенных недостаточно обогреваются или вентилируются, является усугубляющим фактором (пункт 125 постановления).

«Твердая презумпция нарушения статьи 3 [Конвенции] может быть опровергнута только в случае коротких или случайных поездок... И напротив, по мнению Европейского Суда, пагубные последствия переполненности, усугубляемые длительностью и частотой поездок, укрепляют утверждение заявителя о нарушении» (пункт 126 постановления).

Что касается более длительных поездок, таких как поездки ж/д транспортом в течение ночи, то Суд использует подход, аналогичный подходу, применяемому в случаях содержания под стражей в стационарных учреждениях в течение сопоставимого периода времени... Даже несмотря на то, что, благодаря многоярусным нарам ограниченная площадь может быть признана приемлемой, если заключенных лишают ночного сна из-за недостаточного количества спальных мест или иных ненадлежащих условий сна, то происходит нарушение статьи 3 [Конвенции]... Такие факторы, как отсутствие индивидуального спального места для каждого заключенного, недостаточный запас питьевой воды и пищи или отсутствие доступа к

туалету, серьезно ухудшают положение заключенных во время перевозки и свидетельствуют о нарушении статьи 3 (пункт 127 постановления).

Что касается конкретных обстоятельств дела, то заявители жаловались на условия, в которых они перевозились на большие расстояния в различных типах транспортных средств, включая тюремные фургоны и железнодорожные вагоны. Поскольку различные этапы поездки составляли част[и] единой перевозки, которая.... продолжалась до тех пор, пока они не достигли пункта назначения, Суд провел общую и совокупную оценку этих условий.

Самый длинный отрезок пути заявители провели в вагоне для заключенных. Во время первой поездки Т. провел одну ночь в большой камере вместе с девятью людьми, а вторую ночь — в малой камере вместе с тремя людьми... В. содержался в большой камере вместе с тринадцатью людьми по пути в Е... и с одиннадцатью людьми на обратном пути... Особенно длительная перевозка, в ходе которой Т. содержался вместе с Р. и Б., состояла из трех поездок в большой камере вагона для заключенных вместе с пятью, семью и девятью другими заключенными соответственно... Последняя часть их поездки была самой длительной, так как им пришлось провести в поезде три ночи (пункт 131 постановления).

Количество заключенных, содержащихся в одной камере в целом соответствовало требованиям Инструкции по перевозке³, которая позволяла размещать в большой камере до 12 заключенных в ходе поездок продолжительностью более четырех часов... Нет никаких указаний на то, что камеры в вагонах были заполнены сверх их нормативной вместимости, за исключением камеры, в которой находился В. по пути в г. Е. и в которой было размещено тринадцать человек. Однако формальное соблюдение внутригосударственных правил не имеет решающего значения для оценки Судом вопроса о предполагаемом нарушении статьи 3. Важно то, что каждая перевозка включала как минимум одну ночную поездку и при этом в больших камерах было всего шесть спальных мест, а в малых — три... Количество заключенных иногда превышало число доступных спальных мест в два раза, а 60-сантиметровые полки были слишком узкими, чтобы вместить более одного человека в нормальных условиях. Перекидная полка не решала проблему недостатка спальных мест, поскольку она была слишком короткой для размещения человека среднего роста. Будучи расположенной на уровне груди, она мешала перемещению в и без того переполненной камере и не позволяла пассажирам стоять во весь рост (пункт 132 постановления).

³ «Стандарты перевозки заключенных изложены в документе, утвержденном совместно с Министерством юстиции и Министерством внутренних дел 24 мая 2006 года (№ 199дсп/369дсп, с поправками, внесенными совместным приказом № 236дсп/900дсп от 22 октября 2008 года), предназначенном «для служебного использования»» (пункт 64 постановления).

Суд посчитал, что заявители Т., В., Р. и Б. были лишены ночного отдыха в течение одной или нескольких ночей подряд из-за недостаточного количества спальных мест. Это само по себе свидетельств[овало] о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, которое нарушает статью 3 [Конвенции]..., но Суд не [смог] упустить из виду несколько дополнительных факторов, которые, судя по всему, усугубили их положение (пункт 133 постановления).

Во-первых, пока поезд стоял на месте, отопление в вагоне для заключенных не функционировало. Как следствие, Т., Р. и Б. провели не менее пятнадцати часов взаперти в неотапливаемой камере при минусовых температурах наружного воздуха (пункт 134 постановления).

Во-вторых, что касается материальных условий перевозки этих трех заявителей, то два посещения туалета и три чайника воды в день на протяжении всей поездки продолжительностью шестьдесят два часа не могут считаться надлежащими условиями (пункт 135 постановления).

В-третьих, все четыре заявителя доставлялись на железнодорожный вокзал и обратно в камерах стандартного тюремного фургона, рассчитанных на нескольких заключенных. Каждый раз время в пути составляло от одного до двух с половиной часов, и каждый заключенный имел в своем распоряжении менее 0,5 кв.м. Если рассматривать их в отдельности, то такие условия, вероятно, не достигли бы порога жестокости, для того, чтобы привести к нарушению статьи 3 Конвенции, из-за их относительно небольшой продолжительности и того факта, что они были единичными. Однако в настоящем деле они происходили непосредственно до или после поездки на поезде в условиях, которые Суд уже установил выше, что представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Оценивая совокупное влияние условий перевозки от начала до конца, Суд [посчитал], что было допущено нарушение статьи 3 в отношении Т., В, Р. и Б. (пункт 136 постановления).

Представляется, что заявители П. и К., перевозились в особо тяжелых условиях. Применимые правила требуют, чтобы определенные категории уязвимых заключенных, в том числе женщины, перевозились отдельно от других заключенных... Это требование преследует законные цели предотвращения нарушений безопасности, насилия между заключенными и сексуальных домогательств. Однако из-за гендерного дисбаланса среди общего числа заключенных, в котором мужчин значительно больше, чем женщин, камеры для нескольких заключенных обычно выделяются для мужчин, в то время как заключенные-женщины перевозятся в тесных металлических камерах. Как следствие, К. и П. каждый раз помещали в «стакан» для одиночных заключенных площадью 0,325 кв.м. (пункт 137 постановления).

К. перевозилась в такой камере не менее семи раз в течение трех дней... Тот факт, что обычно она проводила в таком замкнутом пространстве до двух часов, сам по себе достаточен, чтобы установить нарушения

статьи 3 [Конвенции], но Суд не [смог] упустить из виду факторы, усилившие ее страдания, которые превысили порог, допустимый в цивилизованном обществе. Она страдала от диабета и имела тучное телосложение. Ее состояние требовало много места для сидения и достаточной вентиляции, чтобы сделать условия ее перевозки более терпимыми. Однако ответственные за перевозку органы власти не учли ее особые потребности. Ситуация усугублялась тем, что в ходе каждой поездки к ней подсаживали еще одну женщину. Суд признает, что при этом они следовали правилам, требующим разделения мужчин и женщин, и именно на это ссылались чиновники, оправдывая свое поведение.... Однако Суд не может принять это как оправдание этой крайне тяжелой ситуации К. Суд [посчитал], что такое отношение сотрудников конвоя, демонстрировало игнорирование ими благополучия перевозимых заключенных, что было несовместимо с уважением человеческого достоинства (пункт 138 постановления).

П. также перевозилась в одиночной камере. Однако в течение первоначального периода продолжительность ее перевозок была значительно короче, иногда не достигая и трех минут... Она не предоставила никакой информации о расстоянии или продолжительности поездок в последующие месяцы... По-видимому, в течение этого периода перевозки также были нечастыми и происходили с интервалом в два месяца. Суд [посчитал], что непродолжительный и случайный характер перевозок опровергает презумпцию нарушения статьи 3 [Конвенции] в связи с ограниченным личным пространством (пункт 139 постановления).

После начала судебного разбирательства по делу П., частота и продолжительность ее перевозок увеличились. В течение двух месяцев она доставлялась в одиночной камере на судебные слушания и обратно не менее десяти раз, и каждая из поездок в общей сложности составляла один час и десять минут. Можно отметить одну конструктивную особенность камеры. Камера состояла из металлических листов, которые образовывали полностью закрытую кабину с вентиляционными отверстиями в двери... Такая конструкция гарантировала полную изоляцию заключенной от небезопасной зоны фургона. Однако, это также приводило к теплоизоляции камеры, перекрывая поток тепла от обогревателя, расположенного в центральном проходе. Внутри камеры отопления не было, а поскольку задняя стенка камеры примыкала непосредственно к внешней стенке фургона, снаружи поступал холод. Суд считает, что условия перевозки П. во время судебного разбирательства, которые характеризовались нехваткой места и воздействием низких температур, нарушали статью 3 [Конвенции] (пункт 140 постановления).

Суд отметил, что все заявители большую часть времени перевозились в условиях, которые, судя по всему, отвечали требованиям внутригосударственных норм. Заявители не утверждали, что какие-либо должностные лица стремились создать для них трудности или причинить им

страдания. Однако даже в отсутствие намерения оскорбить или унижить заявителей установленные в настоящем деле фактические условия перевозок приводили к страданиям, степень которых превышала неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей. Эти условия унижали их человеческое достоинство, и такое обращение следует расценивать как «бесчеловечное и унижающее достоинство» (пункт 141 постановления).

Суд неоднократно рассматривал эффективность внутригосударственных средств правовой защиты, предлагаемых властями Российской Федерации в схожих делах [по жалобам на бесчеловечные или унижающие достоинство условия содержания под стражей и на условия перевозки], и счел их недостаточными во многих отношениях. Суд в частности постановил, что власти не смогли продемонстрировать, какое возмещение могло быть обеспечено заявителю прокуратурой, судом или другим государственным органом, принимая во внимание тот факт, что проблемы, на которые жаловался заявитель, носили структурный характер и не касались исключительно личной ситуации заявителя (пункт 145 постановления).

Европейский Суд напомнил, что в целях обеспечения действительно эффективного возмещения за предполагаемое нарушение гарантированных Конвенцией прав, правовая основа для урегулирования таких жалоб должна удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции, а судопроизводство должно быть способно обеспечить пострадавшему лицу надлежащую защиту (пункт 146 постановления).

Что касается жалоб, которые содержащиеся под стражей лица могут подавать начальникам службы конвоирования, то Суд отмечает, что вышестоящее руководство не имеет достаточно независимой позиции для рассмотрения жалоб, касательно исполнения ими своих обязательств по обеспечению надлежащих условий содержания под стражей или транспортировки (пункт 147 постановления).

Также можно направить жалобу в федеральную или региональную службу Уполномоченного по правам человека или в общественную наблюдательную комиссию. Суд, однако, не убежден в том, что эти органы могут обеспечить надлежащую компенсацию. Ни аппарат Уполномоченного по правам человека, ни наблюдательные комиссии не обладают полномочиями выносить обязательные для исполнения решения. Их задачей является сбор информации и освещение общих вопросов, касающихся соблюдения прав человека в местах содержания под стражей (пункт 148 постановления).

Ранее Суд уже установил, что прокуроры, осуществляющие контроль за следственными изоляторами, играют важную роль в обеспечении надлежащих условий содержания под стражей... Ж/д транспорт подпадает под юрисдикцию транспортных прокуроров, в задачи которых входит надзор за применением законов и обеспечение уважения прав и свобод человека.

Однако, как отметил Суд, сообщения о нарушениях или распоряжения, вынесенные прокуратурой, являются, в первую очередь, вопросами, решаемыми между надзорными и поднадзорными органами, и не направлены на предоставление пострадавшему лицу превентивного и компенсационного возмещения. Прокурор не имеет юридического обязательства заслушивать заявителя или обеспечивать его эффективное участие в последующем разбирательстве. Заявитель не является стороной разбирательств и имеет право только на получение информации о том, как надзирающий орган отреагировал на его жалобу... Кроме того, похоже, что этаплируемые заключенные не имеют возможности обратиться к транспортному прокурору, чтобы обеспечить его оперативное вмешательство, если условия перевозки противоречат требованиям закона или равносильны бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. В деле Р. ответ прокурора поступил спустя почти два месяца после обжалуемых событий (пункт 149 постановления).

Возвращаясь к эффективности средств судебной защиты, Суд отметил, что, как бы усердно ни велось разбирательство в судах, оно, как правило, завершается слишком поздно, чтобы положить конец ситуации длящегося нарушения. В отличие от условий в следственном изоляторе или исправительном учреждении, в которых заключенный содержится месяцы или годы, перевозки занимают гораздо более короткое время, в пределах нескольких дней или недель. Тем не менее, тот факт, что суды могут рассмотреть жалобу по существу даже после окончания перевозки, установить факты и присудить компенсацию с учетом характера нарушения, делает это средство правовой защиты *prima facie* доступным и способным, по крайней мере в теории, обеспечить соответствующую компенсацию (пункт 150 постановления).

[Д]ля того, чтобы быть эффективным, средство правовой защиты должно быть доступным не только в теории, но и на практике и иметь разумные шансы на успех. Как уже было установлено Судом ранее, два аспекта⁴ разбирательств в российских судах представляются особенно проблематичными (пункт 151 постановления).

⁴ «Во-первых, положения Гражданского кодекса о деликтной ответственности предусматривают особые правила компенсации ущерба, причиненного органами власти и должностными лицами. Они требуют, чтобы истец доказал, что ущерб был причинен в результате незаконного действия или бездействия со стороны конкретного государственного органа или должностного лица. Данное требование возлагает чрезмерно тяжелое бремя доказывания в таких делах, как, например, настоящее дело, в котором каждый отдельный аспект условий соответствовал требованиям внутригосударственных правил, однако их совокупный эффект представлял собой бесчеловечное обращение в нарушение статьи 3 Конвенции.... Поэтому было практически невозможно возложить ответственность за такие условия на какой-либо отдельный государственный орган или должностное лицо, не говоря уже о том, чтобы доказать какие-либо противоправные действия с их стороны» (пункт 152 постановления).

«Во-вторых, Европейский Суд раскритиковал подход российских судов как чрезмерно формалистический, основанный на требовании формального установления

Суд не убежден в том, что рамки судебного разбирательства в его существующем состоянии предоставляли истцам адекватную возможность доказать свои утверждения о бесчеловечных или унижающих достоинство условиях перевозки, предотвратить повторение подобных нарушений или возместить причиненный вред. Таким образом, Суд не намерен менять изложенное в предыдущих делах мнение о том, что судебное разбирательство по вопросу о бесчеловечных и унижающих достоинство условиях транспортировки не отвечает критериям эффективного средства правовой защиты, которое имеет разумные шансы на успех (пункт 155 постановления).

Заявитель Р. также жаловался на то, что суды первой и апелляционной инстанций рассмотрели его иск о компенсации в его отсутствие и в отсутствие выбранного им представителя.

Европейский Суд отметил, что «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, предусматривал проведение устных слушаний в судах апелляционной инстанции, и что юрисдикция апелляционных судов не ограничивалась вопросами права, но также распространялась на вопросы факта. Апелляционные суды обладали полномочиями осуществлять полный пересмотр дела и изучать дополнительные доказательства и доводы, не рассмотренные в ходе слушаний в суде первой инстанции. Принимая во

незаконности действий органов власти. Судебные решения, представленные заявителями в настоящем деле, подчеркивают недостатки этого формального подхода... В деле заявителя В. [суд] отменил решение суда первой инстанции о формальном соблюдении правил и провел совокупную оценку условий перевозки, применив критерии, выработанные Судом в его прецедентном праве. Однако это постановление было отменено при пересмотре в Президиуме того же суда, который вернулся к установленному стандарту формального соблюдения применимых правил. В последующих решениях в делах В. и многих других заявителей использовалась та же цепочка рассуждений. Особую обеспокоенность вызывает то, что Верховный Суд охарактеризовал наличие телесных повреждений как неотъемлемый элемент бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, а также предположил, что страдания, причиненные условиями перевозки, способствовали исправлению преступников» (пункт 153 постановления).

«Третий характерный для настоящего дела элемент, подрывающий эффективность средств судебной защиты, это доступность нормативно-правовой базы, устанавливающей нормативные условия перевозки. Инструкция по перевозке, являющаяся основным документом, в котором изложены основные требования к условиям транспортировки, имела гриф «для служебного пользования» и как таковая была недоступна для заключенных, заявляющих о нарушении их прав. Суды, рассматривавшие иск Р., не изучили данный аспект его доводов, приводившихся в апелляции» (пункт 154 постановления).

внимание широкие полномочия апелляционного суда по пересмотру дел, гарантии справедливого слушания дела, предусмотренные статьей 6 Конвенции, включая, в частности, право делать устные заявления в суде, были столь же важны в процессе апелляционных слушаний, как и в судах первой инстанции» (пункт 161 постановления).

Европейским Судом было установлено, что в настоящем деле суды как первой, так и апелляционной инстанций не проверили, требовал ли характер иска дачи показаний лично Р., и являлось ли его присутствие в зале суда важным для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Они не выяснили причины отсутствия представителя Р. и не рассмотрели возможность принятия альтернативных процессуальных мер, которые позволили бы Р. быть заслушанным в его отсутствие, например, видеосвязь или выездное слушание. В результате суды приняли доводы одной из сторон спора, и при этом ФСИН России и федеральное казначейство выступили в качестве соответчиков, в то время как Р. было отказано в эффективной возможности представить свои доводы в нарушение принципа справедливого судебного разбирательства (пункт 162 постановления).

Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Суд повторил, что постановление, в котором Суд устанавливает нарушение Конвенции, налагает на государство-ответчика правовое обязательство не только по выплате в пользу соответствующих лиц каких-либо сумм, присужденных в порядке справедливой компенсации, но и по выбору, под надзором Комитета Министров, мер общего характера в рамках его национальной правовой системы для устранения нарушения, установленного Судом, а также максимально возможного устранения его последствий. Тем не менее, в целях содействия государству-ответчику в выполнении его соответствующего обязательства, Суд может указать тип мер общего характера, которые могут быть приняты для того, чтобы положить конец ситуации, существование которой было установлено Судом (пункт 173 постановления).

С момента вынесения Судом первого постановления, касательно бесчеловечных и унижающих достоинство условий транспортировки заключенных в России..., Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с аналогичными условиями содержания под стражей более чем в пятидесяти делах. В ряде таких постановлений Суд также пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 13 в связи с отсутствием эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалоб заявителей по поводу их условий содержания под стражей... Согласно базе данных Суда по управлению делами, в настоящее время на рассмотрении Суда находится более 680 *prima facie* дел против России по первичным или вторичным жалобам на ненадлежащие условия перевозки. Из них 540 жалоб

были поданы в 2018 году. Вышеприведенные цифры, уже сами по себе, указывают на существование повторяющейся структурной проблемы (пункт 177 постановления).

Нарушения требований статьи 3 [Конвенции], установленные в предыдущих постановлениях, а также нарушения, установленные в настоящем деле, были совершены в различных географических регионах Российской Федерации. Тем не менее, факты, лежащие в основе этих нарушений, были по сути схожи: заключенные подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в связи с острой нехваткой личного пространства во время транспортировки, неадекватного сна, неработающего отопления и ограниченного доступа в туалет. Как было с озабоченностью отмечено Судом, выявленные нарушения не были вызваны единичным инцидентом и не были связаны с определенным поворотом событий в этих делах, но были обусловлены главным образом беспрекословным соблюдением требований внутригосударственной нормативно-правовой базы... Учитывая обширность российской сети исправительных учреждений, в рамках которой заключенных часто перевозят на большие расстояния..., проблема затрагивала и по-прежнему может затрагивать большое количество людей по всей России (пункт 178 постановления).

Несмотря на тенденцию к улучшению условий транспортировки и общему сокращению числа заключенных в России, актуальность проблемы, выявленной в настоящем деле, не уменьшилась. Выводы Суда и продолжающийся поток новых схожих жалоб указывают на серьезность ситуации, особенно в отношении женщин-заключенных, таких как К., и подчеркивают отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты. Суд серьезно обеспокоен тем, что внутригосударственные средства правовой защиты так и не были созданы более чем через шесть лет после вынесения постановления по делу *«Ананьев и другие против России»*, в котором требовалось ввести такие средства правовой защиты в отношении относительно схожей проблемы бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания под стражей (пункт 181 постановления).

Суд признал, что повторяющиеся нарушения статьи 3 [Конвенции] в результате ненадлежащих условий перевозки являются проблемой значительной величины и сложности. Это многогранная проблема, обусловленная наличием большого числа негативных факторов, таких как географическая удаленность многих исправительных учреждений, которые были построены вдали от крупных городов..., большие расстояния, стареющий вагонный парк, чрезвычайно ограничительные правила и стандарты, а также отсутствие прозрачности во время транспортировки заключенных. Эта ситуация требует принятия комплексных мер общего характера на национальном уровне — мер, которые должны учитывать большое количество лиц, затронутых в настоящее время этой проблемой. В целях оказания помощи государству-ответчику в выполнении его обязательств по статье 46 [Конвенции] Суд будет стремиться наметить меры,

которые могут сыграть важную роль в решении структурной проблемы в соответствии с Конвенцией, как это было сделано в ряде дел, касающихся столь же сложной проблемы бесчеловечных условий содержания под стражей (пункт 183 постановления).

Суд отметил, что после осуждения значительное число заключенных отправляется для отбывания наказания в места заключения, находящиеся в тысячах километров от их родных городов или мест, где проживает их семья. В силу исторических и географических факторов исправительные учреждения распределены по территории России неравномерно, и большинство из них находятся вдалеке от густонаселенных районов. Например, в Московской области имеется шесть мест лишения свободы, в то время как население этой области составляет 22 000 000 человек, а в Республике Коми имеется вдвое больше мест заключения, а население составляет 900 000 человек. Статья 73 Уголовно-исполнительного кодекса устанавливает общее правило о географическом распределении заключенных, согласно которому заключенные должны помещаться в исправительные учреждения по месту их проживания или осуждения, кроме «исключительных случаев» (см... постановление по делу *«Полякова и другие против России»*, пункт 94). Дух и цель статьи 73 заключаются в том, чтобы сохранить социальные и семейные связи заключенных (пункт 184 постановления).

Однако на практике ФСИН России может проигнорировать требования общего правила распределения, установленного в статье 73, и направить заключенных в удаленное место заключения, не указывая причин для таких решений.... Дело Т., Р. и Б., которых отправили для отбывания наказания в исправительное учреждение, расположенное примерно в 2 200 километрах от г. С., является наглядным примером такой практики. Направление в отдаленное место заключения приводит к более длительным и более трудным поездкам для заключенных. Поездка от пункта отправления до пункта назначения может занимать до месяца, как это было в случае с Т. и другими заключенными (пункт 185 постановления).

Суд обратил внимание на то, что российским властям следует прислушаться к его выводам, сделанным в постановлении по делу *«Полякова и другие против России»* с целью полноценной реализации общего правила распределения, предусмотренного в статье 73 Уголовно-исполнительного кодекса, и ограничения широких пределов усмотрения ФСИН России в отношении распределения заключенных. Особое внимание следует уделять помещению заключенных в учреждения, находящиеся как можно ближе к их дому, с тем чтобы избавить их от трудностей, связанных с длительными поездками на железнодорожном транспорте, сократить количество заключенных, перевозимых ж/д транспортом в отдаленные места заключения, а также снять с членов их семей бремя длительных и дорогостоящих поездок (пункт 186 постановления).

Как было установлено Судом, нормативно-правовая база в ее существующем виде не может предотвратить обращение, запрещенное статьей 3 [Конвенции]. Необходимо пересмотреть порядок раскладки в тюремных фургонах и железнодорожных вагонах, используемых для поездок на короткие расстояния, с тем чтобы гарантировать достаточное пространство для каждого человека и более равномерное распределение заключенных в камерах. За исключением случаев, когда это обусловлено соображениями безопасности, следует избегать использования одиночных камер типа «стакан». Необходимо удалить конструкции, которые мешают заключенным стоять прямо, такие как перекидные полки в больших камерах железнодорожных вагонов для заключенных. При длительных перевозках ж/д транспортом особое внимание следует уделять обеспечению достойных условий сна для заключенных. У каждого из них должно быть собственное спальное место, и должен быть обеспечен адекватный доступ к санузлам, питьевой воде и пище (пункт 188 постановления).

Защита уязвимых лиц должна осуществляться, исходя из индивидуальных особенностей, а не из формального разделения на категории заключенных. Необходимо принять положение, позволяющее компетентным органам оценивать совокупное воздействие конкретных условий перевозки на заключенных с особыми потребностями. Условия перевозки должны быть персонализированы и адаптированы к потребностям заключенных, которых нельзя перевозить в обычных условиях из-за их психического состояния или физических особенностей, таких как ожирение. Без проведения индивидуальной оценки, ситуации, подобные ситуации с К., будут повторяться (пункт 189 постановления).

Суд посчитал, что обязательства Российской Федерации по Конвенции предписывают ей без дальнейшего промедления создать эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, требуемые статьей 13 Конвенции. Необходимость наличия таких средств правовой защиты становится все более актуальной, поскольку большое количество лиц, чьи фундаментальные конвенционные права были нарушены, не имеют никакого другого выбора, кроме как обращаться за помощью, прибегая к продолжительному международному разбирательству в Суде. Эта ситуация противоречит характерному для системы Конвенции принципу subsidiarности... Для выполнения властями государства-ответчика своих обязательств ему необходимо внести четкие и конкретные изменения во внутригосударственную правовую систему, которые позволят всем лицам, находящимся в положении заявителей, подать жалобу на внутригосударственном уровне на предполагаемые нарушения статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными или унижающими достоинство условиями транспортировки и получить надлежащее и достаточное возмещение за такие нарушения (пункт 191 постановления).

Важной гарантией предотвращения нарушений, возникающих в результате ненадлежащих условий содержания под стражей, является

эффективная система подачи задержанными жалоб во внутригосударственные органы власти (см... постановление по делу «*Орховский против Польши*», пункт 154). Для того чтобы быть эффективной, эта система должна обеспечивать своевременное и тщательное рассмотрение жалоб заключенных, гарантировать их эффективное участие в рассмотрении жалоб и предоставлять им широкий спектр юридических средств для устранения выявленных нарушений требований Конвенции. Наконец, заключенные должны иметь возможность использования средств правовой защиты, не опасаясь, что они будут подвергнуты наказанию или столкнутся с отрицательными последствиями использования таких средств (пункт 192 постановления).

Подача жалобы в надзорный орган, как правило, является более действенным и быстрым способом рассмотрения жалоб, чем судебное разбирательство. Этот орган должен иметь полномочия по мониторингу нарушений прав заключенных, быть независимым и иметь полномочия расследовать жалобы с участием заявителя, а также иметь право принимать обязательные и подлежащие исполнению решения (пункт 193 постановления).

Заключенный может также подать жалобу в суд общей юрисдикции на нарушение его прав или свобод в соответствии с положениями Кодекса административного судопроизводства, который с 15 сентября 2015 года заменил главу 25 Гражданского процессуального кодекса... Однако оговорки, которые Суд сделал в отношении судебного разбирательства в целом, также применяются и к разбирательствам в соответствии с Кодексом административного судопроизводства. В частности, нет уверенности в том, что новый тип судопроизводства обеспечил российские суды соответствующими правовыми инструментами, позволяющими им рассматривать проблему, выходящую за пределы индивидуальной жалобы, и эффективно разрешать ситуации, когда права заключенных нарушаются в результате применения чрезвычайно ограничительной нормативно-правовой базы (пункт 195 постановления).

Во всех делах, в которых нарушение статьи 3 [Конвенции] уже произошло, Суд считает, что причиненные человеку страдания могут быть возмещены при помощи компенсаторного средства правовой защиты (см. постановление Суда от 20 сентября 2018 года по делу «*Алиев против Азербайджана*» (*Aliyev v. Azerbaijan*), жалобы №№ 68762/14 и 71200/14, пункт 138). Внедрение эффективного компенсационного средства правовой защиты было бы особенно важным шагом с учетом принципа субсидиарности, с тем, чтобы потерпевшие не были вынуждены систематически обращаться в Страсбургский суд с жалобами, которые требуют установления основных фактов или расчета сумм денежных компенсаций — поскольку оба данных вопроса должны, как в принципе, так и согласно сложившейся практике, относиться к юрисдикции внутригосударственных органов власти (пункт 196 постановления).

Суд повторил руководство, которое он дал властям в постановлении по делу *«Ананьев и другие против России»* в отношении характеристик, которыми должно обладать компенсаторное средство правовой защиты, чтобы оно считалось эффективным. В частности, денежная компенсация должна быть доступной любому фактическому или бывшему заключенному, которого содержали в бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство условиях и который подал соответствующую жалобу. Вывод о том, что условия не отвечают требованиям статьи 3 Конвенции, влечет за собой твердую презумпцию того, что они причинили жертве моральный вред, и что размер компенсации морального вреда, не должен являться необоснованным по сравнению с суммами, присуждаемыми Судом в аналогичных делах (... вопрос о размере компенсации, который можно считать приемлемым, обсуждается в... [решении] по делу *«Домьян против Венгрии»*, пункты 27-28). В конкретном контексте настоящего дела Суд напомнил, что внутригосударственные суды должны иметь возможность установить, что даже в ситуации, в которой каждый отдельный аспект условий перевозки соответствовал внутригосударственным правилам, их совокупный эффект мог представлять собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение (пункт 197 постановления).

Суд выявил структурную проблему в настоящем деле, ссылаясь, в частности, на большое количество пострадавших людей и срочную необходимость предоставления им быстрого и надлежащего возмещения на внутригосударственном уровне. Именно поэтому Суд убежден, что цель настоящего постановления может быть достигнута только в том случае, если в российскую правовую систему будут безотлагательно внесены необходимые изменения. Суд напомнил, что он призвал российские власти создать внутригосударственные средства правовой защиты в отношении схожей жалобы более шести лет назад, в 2012 году (см... постановление по делу *«Ананьев и другие против России»*, пункты 232-234). Учитывая прошедшее с тех пор время и очевидное отсутствие прогресса в этом отношении, Суд посчитал, что необходимые средства правовой защиты должны быть доступны не позднее, чем через восемнадцать месяцев после того, как настоящее постановление вступит в силу (пункт 198 постановления).

Пункт 6 Правила 61 Регламента Суда предусматривает возможность отложить рассмотрение всех схожих жалоб до принятия государством-ответчиком мер по исправлению ситуации. Тем не менее, если государство-ответчик не принимает таких мер и продолжает нарушать Конвенцию, у Суда не будет другого выбора, кроме как возобновить рассмотрение всех схожих жалоб, ожидающих рассмотрения, и вынести по ним постановление для обеспечения эффективного соблюдения Конвенции (пункт 199 постановления).

Суд посчитал целесообразным отложить рассмотрение дел, в которых жалоба на ненадлежащие условия перевозки является основной, до

исполнения настоящего постановления Российской Федерацией, на восемнадцать месяцев с даты вступления постановления в силу. Настоящее решение не ограничивает полномочия Суда в любой момент объявить любое из этих дел неприемлемым или исключить его из списка дел к рассмотрению на основании дружественного урегулирования между сторонами, либо на основании разрешения спора другими средствами в соответствии со статьей 37 или 39 Конвенции (пункт 200 постановления).

вопросы наличия в государстве-участнике Конвенции о защите прав человека и основных свобод эффективных средств правовой защиты права лица на надлежащие условия содержания в местах лишения свободы, в том числе во время их транспортировки

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы решений Европейского Суда по правам человека по делам, связанным с оценкой Европейским Судом наличия в государстве-участнике Конвенции о защите прав человека и основных свобод эффективных средств правовой защиты права лица на надлежащие условия содержания в местах лишения свободы, в том числе в аспекте достаточности сумм компенсаций, присуждаемых национальными судами в рамках созданных средств правовой защиты:

- решение от 12 февраля 2019 г. по делу **«Юрий Дрэничеру против Республики Молдова»** (жалоба № 31975/15);
- решение от 14 ноября 2017 г. г. по делу **«Ксаба Домьян против Венгрии»** (жалоба № 5433/17);
- решение от 18 октября 2016 г. по делу **«Слободан Анастасов и другие против Словении»** (жалоба № 65020/13);
- решение от 16 сентября 2014 г. г. по делу **«Дженнаро Стелла против Италии»** (жалоба № 49169/09) и десять других жалоб;
- решение от 8 июля 2014 г. по делу **«Борут Бизьяк против Словении»** (жалоба № 25516/12);
- решение от 4 декабря 2007 г. по делу **«Анджей Волькенеберг и другие против Польши»** (жалоба № 50003/99).⁵

Согласно решению Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2019 г. по делу **«Юрий Дрэничеру против Республики Молдова»** (жалоба № 31975/15) жалоба заявителя, утверждавшего, в том числе, о якобы ненадлежащих условиях его содержания в пенитенциарных учреждениях, была признана неприемлемой.

⁵ Ранее тексты указанных решений были направлены в суды (исх. от 21 января 2020 г. № УС1-8/20).

Европейский Суд обратил внимание на следующее:

«Что касается подлежащего принятии[я] внутригосударственного средства или средств правовой защиты для решения указанной в настоящем деле проблемы, Суд напомнил, что в отношении условий содержания «превентивные» средства правовой защиты и средства, имеющие «компенсационный» характер, должны взаимно дополнять друг друга. Таким образом, если заявитель содержится под стражей в условиях, нарушающих статью 3 Конвенции, лучший способ устранить вредные последствия этого нарушения заключается в том, чтобы быстро положить конец нарушению его права не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Более того, каждый, содержащийся в условиях, унижающих человеческое достоинство, должен иметь право на получение компенсации вреда, причиненного нарушением....

[Н]аилучшим решением было бы создание особого ведомства по надзору за местами содержания заключенных, так как вероятность быстрого достижения результатов подобным ведомством выше.... Для эффективности средства правовой защиты..., упомянутое ведомство должно (а) быть независимым от органов власти, в ведении которых находится пенитенциарная система, (б) гарантировать эффективное участие заключенных при рассмотрении их жалоб, (в) быстро и своевременно рассматривать жалобы заключенных, (г) иметь обширный пакет правовых инструментов, позволяющих искоренить проблемы, лежащие в основе данных жалоб, и (д) быть в состоянии принимать обязательные и исполнительные решения... Данное средство также должно обеспечивать незамедлительное прекращение тюремного заключения в условиях, противоречащих статье 3 Конвенции...

Суд указал, что другим возможным способом было бы создание превентивного средства правовой защиты при обращении в судебный орган. Власти государства-ответчика могут либо создать новое средство правовой защиты, либо адаптировать уже существующее при обращении к следственному судье.... Суд считает, что любая компетентная судебная инстанция должна иметь полномочия при любых обстоятельствах потребовать от пенитенциарной службы принятия конкретных корректирующих мер, способных улучшить положение не только подавшего жалобу лица, но и других заключенных. Более того, Власти должны определить точный порядок исполнения мер, требуемых судьями....

Что касается компенсационных средств правовой защиты в отношении плохих условий содержания, Суд напомнил, что бремя доказывания, возложенное на участников судебного процесса, не должно быть чрезмерным. Заключенные могут быть приведены для подтверждения даже видимости нарушения статьи 3 Конвенции и предоставления доступных доказательств, например, подробное описание фактов, на которые они жалуются, заявления сокамерников или жалобы, адресованные пенитенциарной службе или контрольно-надзорным органам и их

соответствующие ответы. Следовательно, обязанность оспаривать данные утверждения возлагается на внутригосударственные органы власти. Что касается процессуальных гарантий, Суд напомнил, что иск заключенного подлежит рассмотрению в разумные сроки, и что правила, регулирующие данный иск, должны соответствовать принципу справедливости, изложенному в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Правила в отношении судебных издержек не должны возлагать чрезмерное бремя на заключенного, иск которого обоснован. Более того, предоставление компенсации не должно быть обусловлено способностью истцов подтвердить незаконность поведения руководителей или конкретных органов власти. По этому поводу Суд напомнил, что плохие условия содержания не обязательно являются результатом упущения определенного руководства, в частности, но чаще всего в их основе более сложные факторы. И наконец, сумма возмещения морального вреда не должна быть необоснованной по отношению к суммам, присуждаемым Судом в подобных делах...

[Суд] подчеркнул, что констатация факта несоответствия условий содержания требованиям статьи 3 Конвенции сама по себе создает прочную презумпцию, согласно которой соответствующий заключенный понес моральный вред...

Суд заметил, что для лиц, все еще содержащихся под стражей, [в правовой системе Республики Молдова] предусматривается другой вид возмещения, а именно сокращение срока отбывания наказания пропорционально количеству дней, проведенных в заключении в условиях несоответствующих Конвенции...

Суд напомнил, что сокращение срока отбывания наказания может быть надлежащей корректирующей мерой в случае плохих материальных условий содержания при условии, что, с одной стороны, оно явно предоставляется для возмещения вреда в связи с нарушением статьи 3 Конвенции, а, с другой стороны, его влияние на меру наказания заинтересованного лица соизмеримо...

Суд не должен уточнять, какой способ является наилучшим для учреждения необходимых внутригосударственных средств правовой защиты. Государство может изменить существующие средства правовой защиты или создать новые так, чтобы нарушения прав по Конвенции могли быть исправлены действительно эффективным образом.... Ему также следует, под контролем Комитета министров, обеспечить, чтобы нововведенное средство или средства правовой защиты отвечали, как в теории, так и на практике, требованиям Конвенции (пункт 24 решения).

Суд заметил, что во исполнение новых положений внутреннего законодательства⁶ любое содержащееся под стражей лицо, либо осужденное,

⁶ «Парламент Молдовы принял законы № 163 и 272, целью которых, среди прочего, было внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс и введение во внутригосударственное право нового средства правовой защиты в отношении условий содержания... Эти два закона были опубликованы 20 октября 2017 года и

либо находящееся во временном заключении, имеет право обратиться к следственному судье, чтобы пожаловаться на условия содержания. Жалоба может быть подана лично или через адвоката. Податель жалобы должен, с одной стороны, подробно описать материальные условия своего содержания с указанием периодов и мест содержания, а, с другой стороны, потребовать от судьи обязать администрацию пенитенциарного учреждения прекратить содержание в оспариваемых условиях (пункт 27 решения).

Что касается применимой процедуры, Суд отметил, что судья должен рассмотреть жалобу в присутствии ее подателя и, по возможности, его адвоката. Участие представителя пенитенциарного учреждения также обязательно. Последний должен доказать, что условия содержания подателя жалобы не были ненадлежащими, и что тот не понес морального вреда. Получивший жалобу следственный судья должен принять решение в срок три месяца (пункт 28 решения).

[П]ри оценке условий содержания под стражей получивший жалобу судья должен учитывать как предоставленные сторонами доказательства, так и соответствующие доклады государственных и международных учреждений. Он должен также учитывать совокупное действие условий содержания под стражей (пункт 29 решения).

Суд констатировал, что производство с применением нового средства правовой защиты осуществляет судья, предоставивший гарантии независимости и беспристрастности, а также все остальные гарантии, связанные с состязательным судопроизводством, решения которого имеют обязательную силу для уполномоченных органов власти и подлежат немедленному исполнению. Более того, Суд с интересом отметил, что бремя доказывания, возлагающееся на заключенного, никоим образом не является чрезмерным. Суд также с удовлетворением заметил, что при оценке условий содержания судья должен учитывать выработанные Судом принципы по данному вопросу. Что касается срока длительностью три месяца, предоставленного судье для вынесения решения, Суд не счел его неразумным. При этом, судьи будут обязаны следить за строгим соблюдением данного срока и, если в связи с обстоятельствами требуется особая оперативность, они должны даже рассмотреть дело в более короткий срок (пункт 30 решения).

Суд отметил, что в случае установления обоснованности жалобы заключенного следственный судья может потребовать от пенитенциарного учреждения исправить положение в максимальный срок 15 дней, и что по истечении данного срока администрация пенитенциарного учреждения должна уведомить судью о конкретных принятых мерах (пункт 32 решения).

Суд счел, что нет никаких оснований считать, что новое средство правовой защиты не дает реальных шансов улучшить ненадлежащие условия содержания или что оно не способно предоставить заключенным

эффективную возможность привести данные условия в соответствие с требованиями статьи 3 Конвенции (пункт 33 решения).

Затем Суд заметил, что следственный судья обязан присудить компенсацию заключенным, жалобы которых в отношении плохих условий содержания... обоснованы. Таким образом, судья имеет право: а) принять решение о сокращении срока отбывания наказания из расчета от одного до трех дней сокращения срока отбывания наказания за десять дней содержания в ненадлежащих условиях, и б) если сокращения срока отбывания наказания недостаточно для возмещения ущерба заключенному или если длительность содержания в ненадлежащих условиях составляет менее десяти дней, предоставить заключенному денежное возмещение в максимальном размере, составляющем две условные единицы, то есть 100 молдавских лей (около 5.1 евро по официальному курсу обмена валют, действующему на 1 января 2019 года) за каждый день содержания в ненадлежащих условиях (пункт 35 решения).

Что касается подсудимых/обвиняемых, Суд заметил, что те могут получить возмещение, присуждаемое судом, осудившим их к лишению свободы, рассчитываемое следующим образом: сокращение срока отбывания наказания на два дня за каждый день предварительного заключения в плохих условиях. В случае невозможности применения сокращения срока отбывания наказания осужденный/обвиняемый имеет право подать гражданский иск для получения возмещения (пункт 36 решения).

Суд также заметил, что предоставление компенсации за плохие условия содержания не зависит от наличия признаков недобросовестного поведения со стороны руководства или конкретных властей (пункт 37 решения).

Поскольку речь идет о первом типе возмещения, а именно сокращении срока отбывания наказания, Суд имел возможность признать, что сокращение срока отбывания наказания на один день за каждый период длительностью десять дней содержания, несоответствующего Конвенции, является надлежащим возмещением в случае плохих материальных условий содержания и что, более того, данная форма возмещения является неоспоримым преимуществом в содействии решению проблемы переполненности, ускоряя выход заключенных из тюрьмы (пункт 38 решения).

Что касается денежной компенсации, предусмотренной внутригосударственным правом для лиц, которые по разным причинам не могут воспользоваться сокращением срока отбывания наказания, Суд напомнил, что если Правительство сделало значительный шаг, введя компенсационное средство правовой защиты для возмещения вреда в связи с нарушением Конвенции, Суд должен предоставить ему большую свободу усмотрения для создания данного внутригосударственного средства правовой защиты, вписывающегося в его юридическую систему и его традиции в соответствии с уровнем жизни страны. Таким образом, Суд

вполне может согласиться с тем, [что] суммы, выплачиваемые Властями в размере ниже установленного Судом, не являются необоснованными, если Власти имеют различные средства правовой защиты и их решения в соответствии с юридической традицией и уровнем жизни страны принимаются быстро, являются обоснованными и исполняются оперативно (пункт 39 решения).

После рассмотрения дела *«Стелла и другие против Италии»*..., Суд напомнил, что сумма возмещения, предусмотренная итальянским правом, а именно 8 евро за один день содержания в условиях, не соответствующих статье 3 Конвенции, не кажется необоснованной или несоизмеримой. Учитывая экономическую реальность Венгрии, Суд пришел к тому же заключению в [решении] по делу *«Домьян против Венгрии»*... в отношении сумм возмещения в пределах 4 - 5.3 евро за один день содержания в ненадлежащих условиях. С учетом вышеупомянутой судебной практики и экономической реальности Республики Молдова Суд счел, что максимальная сумма в размере 5.10 евро за один день содержания в плохих условиях, предусмотренная новыми положениями молдавских законов в качестве возмещения, больше не должна считаться необоснованной. Тем не менее, Суд заметил, что вопреки венгерскому законодательству молдавское право не предусматривает нижний предел суммы присуждаемого возмещения. По этому поводу Суд напомнил, что уровень возмещения, предоставленного на внутригосударственном уровне, является важным фактором для оценки эффективности средства правовой защиты... При этом, Суд не может прийти к выводу, что молдавские суды не обеспечат полностью исполнение новых внутренних положений или последовательную и единообразную практику в данном отношении. Тем не менее, они будут обязаны следить за тем, чтобы применение новых положений соответствовало требованиям Конвенции и правоприменительной практики Суда (пункт 40 решения).

В свете вышеизложенного, Суд счел, что новое средство правовой защиты, введенное в Республике Молдова, в принципе, предоставляет перспективы для соответствующего исправления нарушений Конвенции, вытекающих из плохих условий содержания. Тем не менее, Суд подчеркнул, что данное заключение никоим образом не предвосхищает, при необходимости, возможное повторное рассмотрение вопроса об эффективности соответствующего средства правовой защиты в свете решений, принятых национальными судами и их эффективное исполнение. Суд сохраняет свои полномочия по окончательному контролю по любой поданной заявителями жалобе в соответствии с принципом субсидиарности, которые исчерпали имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (пункт 41 решения).

Суд напомнил, что соответствующие принципы, применимые при исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, введенных в связи с принятием пилотного постановления, уже установлены... Из данной судебной практики следует, что даже если исчерпание

внутригосударственных средств правовой защиты имело место на дату подачи жалобы в Европейский [С]уд, в данном правиле есть исключения, которые могут обосновываться обстоятельствами данного дела, в частности, при введении средства правовой защиты в связи с принятием пилотного постановления Европейским Судом (пункт 42 решения).

Суд счел, что новое средство правовой защиты, введенное во внутригосударственную правоохранительную систему законами № 163 и 272, в принципе, соответствует критериям, перечисленным в упоминавшемся выше постановлении по делу *«Шишианов против Республики Молдова»*, и что оно априори могло считаться эффективным при оспаривании плохих средств содержания в Республике Молдова... Суд заметил, что данное средство правовой защиты доступно лицам, осужденным или содержащимся в предварительном заключении, а также, при условии соблюдения сроков, установленных новыми положениями внутреннего законодательства и в отношении компенсационного аспекта средства правовой защиты - лицам, выпущенным на свободу. Более того, лица, жалобы которых в отношении условий содержания находятся на рассмотрении в Суде, имеют право воспользоваться в срок четыре месяца, начиная с 1 января 2019 года, средством правовой защиты, предусмотренным упомянутым законом (пункт 43 решения).

Что касается данного конкретного случая, Суд заметил, что заявитель, утверждавший, что он содержался в условиях, противоречащих статье 3 Конвенции, должен воспользоваться упомянутым новым средством правовой защиты для признания на национальном уровне факта нарушения и, при необходимости, получения надлежащей компенсации. В то же время, Суд уточнил, что при отсутствии положительного результата на национальном уровне, ему будет позволено подать новую жалобу в Суд в срок шесть месяцев после исчерпания нового средства правовой защиты (пункт 45 решения).

вопросы одиночного заключения

практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 27728/08 и 44353/08 *«Быковцев и Прачев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 мая 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи длительным одиночным содержанием *Быковцева В.Г.* на протяжении 3 лет без приведения надлежащих мотивов применения и продления данной меры, а также оценки всех обстоятельств, в том числе поведения и состояния заявителя, и без учета того, что такое решение может применяться в исключительных случаях и только после того, как были исчерпаны все другие меры и что при применении такой меры должна быть обеспечена

система регулярного контроля физического и морального состояния заключенного, соответствующая продолжающемуся нахождению его в одиночной камере.

право на уважение личной жизни

практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 1750/11 *«Самойлов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года), по которому Судом признана явно необоснованной и отклонена жалоба заявителя на якобы имевшее место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с раскрытием в телепередаче информации о его доходах.

право на уважение семейной жизни

практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 27728/08 и 44353/08 *«Быковцев и Прачев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 мая 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с определением Быковцеву В.Г. места отбывания наказания вдали от членов его семьи.

вопросы осуществления консульской защиты

практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁷

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 19 июля 2019 г. по делу *О. М. против Украины* (сообщение № 87/2015).⁸

⁷ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г.

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

⁸ Автор утверждала, в том числе, что в соответствии с статьей 2 с)–d), е) и f) и статьей 5 а) и b) Конвенции и с учетом пункта 24 г) iii) Общей рекомендации Комитета № 19, Общей рекомендации № 21 и пунктов 34 и 36 Общей рекомендации № 28 Украина обязана проводить надлежащую политику защиты своих граждан, ставших жертвами бытового насилия, посредством юридического представительства, в том числе в иностранных органах власти.

Правовые позиции Комитета: государство-участник несет ответственность за соблюдение обязательств по отношению к лицам, находящимся в пределах его юрисдикции, и не может нести ответственность за дискриминацию, совершаемую в пределах юрисдикции другой страны. Комитет напоминает о вынесенной им [О]бщей рекомендации № 28. Он отмечает, что, хотя консульская защита как таковая не подпадает под действие Конвенции, государство-участник в рамках своих собственных полномочий, в частности своих конституционных полномочий в отношении своих граждан, должно уделять должное внимание защите своих граждан, сталкивающихся с нарушениями их основных прав, особенно если государство-участник имеет представительство за рубежом. Комитет считает, что отсутствие двусторонних договоров со страной, в которой находится ее гражданин, не освобождает государство-участника от этого обязательства, особенно когда речь идет о нарушениях основных международных прав (пункт 9.2 Мнений).

Комитет считает, что консульская защита может иметь особое значение в случаях гендерного или бытового насилия и споров об опеке над детьми. По сути, дипломатическая и консульская защита предусматривает вмешательство государства для защиты своих граждан, которые, находясь за границей, пострадали или могут пострадать от нарушений их прав другим государством (пункт 9.4 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в таких странах, как Украина, личное и объективное право на дипломатическую защиту закреплено в национальном законодательстве и Конституции; в частности, статья 25 (3) Конституции гласит, что Украина гарантирует заботу и защиту своим гражданам, находящимся за ее пределами. Таким образом, граждане имеют право на получение от своих дипломатических представительств за рубежом эффективной защиты, особенно в случаях гендерного или бытового насилия и споров об опеке над детьми (пункт 9.4 Мнений).

Комитет отмечает, что Украина является государством — участником Венской конвенции о консульских сношениях, к которой она присоединилась 27 апреля 1989 года. В Конвенции закреплён ряд признанных в международном праве принципов. В частности, в статье 5 Конвенции

Когда автор явилась в шариатский суд в рамках судебного разбирательства, возбужденного против ее бывшего мужа в связи с насилием в отношении автора и ее дочери, на заседании не присутствовал ни один представитель посольства в Аммане. Более того, посольство отказалось обеспечить для автора юридическое представительство, заявив, что среди его сотрудников нет адвоката, и не предоставило ей ни какой-либо юридической консультации относительно ее процессуальных прав, ни услуги переводчика. Посольство также не предоставило ей фамилии и имена адвокатов, с которыми она могла бы связаться. Таким образом, ее интересы как гражданки Украины и матери украинского ребенка не были соблюдены. В результате шариатский суд вынес решение в пользу трехмесячного периода примирения, что еще больше поставило под угрозу безопасность, здоровье и физическую неприкосновенность автора.

разъясняется значение термина «консульские функции», которые выполняют соответствующие консульские службы за рубежом (пункт 9.5 Мнений).

Комитет считает, что... автор сообщения не получала своевременной и надлежащей помощи от посольства Украины в Аммане длительное время, в течение которого она подвергалась бытовому насилию и в течение которого продолжался спор об опеке над детьми в шариатском суде. Ни один представитель посольства не оказывал ей помощь в ходе разбирательства, и посольство не предложило ей никакой правовой помощи, объяснив это тем, что консульский персонал не знаком с законами шариата. В этой связи Комитет отмечает, что остается неясным, почему в отсутствие квалифицированных адвокатов в посольстве власти не помогли автору найти соответствующего адвоката в Иордании или не наняли адвоката для представления ее интересов. Более того, автору не предложили услуги переводчика, хотя судопроизводство велось на арабском языке — на языке, на котором она говорит недостаточно хорошо (пункт 9.6 Мнений).

[А]втор сообщения, будучи иностранкой, находящейся в уязвимом положении, и матерью, исповедующей христианство в государстве, в котором действуют законы шариата, вынуждена была самостоятельно, не имея достаточного уровня знания языка или законов шариата, не только предстать перед судом, но и иметь дело с родственниками ее бывшего мужа. В результате она потеряла право опеки над одной из своих дочерей и была вынуждена покинуть Иорданию; последнее привело к прекращению судебного разбирательства. Комитет считает, что бездействие украинских властей в данном деле привело к нарушению права автора в соответствии со статьями 3 и 5 Конвенции на получение защиты, помощи и поддержки как жертве гендерного насилия (пункт 9.7 Мнений).

Выводы Комитета: представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в статье 2 а), d) и f), статье 3 и статье 5 Конвенции, с учетом [О]бщих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 35 (пункт 10 Мнений).

В сфере социально-трудовых отношений

вопросы социального обеспечения

практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 4 ноября 2019 г. по делу *Наталья Чобану против Республики Молдова* (сообщение № 104/2016).⁹

⁹ Автор утверждала, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные в статье 3 и пункте 2 с) статьи 11 Конвенции, поскольку не учло при расчете размера ее пенсии по социальному страхованию весь период, в течение которого она на дому

Правовые позиции Комитета: право на социальное обеспечение, в том числе в случаях, когда речь идет о пенсии по социальному страхованию (по старости), имеет ключевое значение для обеспечения человеческого достоинства. Осуществление права на социальное обеспечение имеет значительные финансовые последствия для государств, однако последние должны обеспечивать осуществление этого права хотя бы на минимально необходимом уровне. Кроме того, они должны обеспечить доступ к программам социального обеспечения, которые гарантируют минимально необходимый уровень пособий без какой-либо дискриминации. Государства должны предоставлять не требующие предварительных взносов пособия, социальные услуги и другую помощь всем пожилым лицам, которые по достижении пенсионного возраста, установленного национальными законами, не успели внести все полагающиеся взносы в пенсионный фонд или по каким-либо иным причинам не пользуются правом на получение пенсии по социальному страхованию или других льгот социального обеспечения или социальной помощи и не имеют других источников дохода. При разработке программ, не требующих предварительной уплаты взносов, должен также приниматься во внимание тот факт, что женщины с большей долей вероятности, чем мужчины, оказываются в состоянии нищеты, зачастую вынуждены в одиночку ухаживать за ребенком и что чаще всего именно они не получают выплат по линии накопительных пенсий (пункт 7.6 Мнений).

Комитет отметил, что государства-участники обладают значительной свободой усмотрения при принятии мер, которые они считают необходимыми для обеспечения того, чтобы каждый человек мог осуществлять право на социальное обеспечение, в целях, в частности, обеспечения того, чтобы пенсионные системы были эффективными, надежными и доступными для всех. Поэтому государства могут устанавливать требования или условия, которым должны удовлетворять заявители, чтобы иметь право на участие в программах социального обеспечения или получать пенсию или другие пособия, но эти условия должны быть разумными, пропорциональными и транспарентными. В целом надлежащую информацию об этих условиях необходимо своевременно доводить до сведения общественности, с тем чтобы обеспечить предсказуемость доступа к пенсиям по выходу в отставку, особенно в тех

осуществляла постоянный уход за своей дочерью с тяжелой формой инвалидности, начиная со дня вступления в силу Закона «О пенсиях государственного социального страхования» (1 января 1999 года) и заканчивая днем смерти дочери (22 февраля 2012 года) вместо того, чтобы помещать ее в учреждение интернатного типа.

Она утверждала, в частности, что ввиду той роли, которая традиционно отводится женщинам в молдавском обществе, в качестве лиц, обеспечивающих основной уход за своими детьми-инвалидами, государству-участнику следовало обеспечить наличие законодательной базы, которая способствовала бы социально-экономическому развитию женщин, имеющих на своем попечении детей с тяжелой формой инвалидности, что позволило бы им совмещать обязанности по уходу за детьми с трудовыми обязанностями.

случаях, когда меры, принимаемые государствами-участниками, носят регрессивный характер и не предусматривают каких-либо переходных мер для компенсации их негативных последствий (пункт 7.7 Мнений).

Комитет подтвердил, что, хотя каждый человек имеет право на социальное обеспечение, государствам следует уделять особое внимание тем лицам и группам, которые традиционно сталкиваются с трудностями в осуществлении этого права, в том числе женщинам. Комитет напоминает, что Конвенция запрещает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и гражданской или любой другой области. Косвенная дискриминация связана с наличием законов, политики или практики, которые на первый взгляд кажутся нейтральными, но имеют несоразмерно серьезные последствия для осуществления закрепленных в Конвенции прав, о чем свидетельствуют запрещенные основания для дискриминации (пункт 7.6 Мнений).

Комитет посчитал, что государства должны принимать эффективные меры и периодически, если это необходимо, пересматривать их, с тем чтобы обеспечить полное осуществление права всех граждан без какой-либо дискриминации на социальное обеспечение, включая пенсию по социальному страхованию. Они также должны принять меры для обеспечения того, чтобы на практике мужчины и женщины на равной основе пользовались своими политическими, экономическими, социальными, культурными и гражданскими правами; поэтому их государственная политика и законодательство должны учитывать экономическое, социальное и культурное неравенство, с которым на практике женщины сталкиваются. Таким образом, иногда государства должны принимать меры в интересах женщин для смягчения или ликвидации условий, закрепляющих дискриминацию (пункт 7.9 Мнений).

Комитет подтвердил, что государства должны пересматривать ограничения на доступ к программам социального обеспечения, чтобы убедиться, что они не допускают дискриминации в отношении женщин ни в законодательстве, ни на практике. В частности, государства должны учитывать тот факт, что из-за сохранения стереотипов и других структурных причин женщины намного чаще, чем мужчины, выполняют неоплачиваемую работу, включая уход за детьми-инвалидами и детьми без инвалидности. Государствам следует принять меры для устранения факторов, мешающих женщинам вносить равные взносы в программы социального обеспечения, в которых пособия увязываются со взносами, или при установлении размеров пособий обеспечить учет в программах таких факторов, как период, проведенный, особенно женщинами, в уходе за детьми, как инвалидами, так и неинвалидами, а также взрослыми иждивенцами (пункт 7.10 Мнений).

Комитет обратил внимание на то, что, если в сообщении представлена соответствующая информация, указывающая *prima facie* на существование законодательного положения, которое, хотя и сформулировано нейтрально, на самом деле может затрагивать гораздо более высокую процентную долю женщин, чем мужчин, государство-участник должно доказать, что такая ситуация не представляет собой косвенную гендерную дискриминацию. Согласно общедоступной информации о государстве-участнике, среди лиц трудоспособного возраста, не занятых на рынке труда, лица, занимающиеся исключительно неоплачиваемым трудом по уходу и по дому, включая уход за детьми-инвалидами и детьми без инвалидности, в подавляющем большинстве — женщины¹⁰ (пункт 7.13 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что она имела разумные основания ожидать, что в старости она будет получать достаточный объем пенсии по социальному страхованию после того, как она 20 лет ухаживала за своей дочерью на дому вместо того, чтобы помещать ее в учреждение интернатного типа. Комитет также принял к сведению тот факт, что только 12 мая 2014 года, после того как автор обратилась в местный филиал Национальной кассы социального страхования с вопросом о причинах такого низкого размера ее пенсии, она была информирована о том, что ее страховой стаж не включает период ухода за ее ребенком-инвалидом первой группы начиная с 1 января 1999 года, когда вступил в силу Закон «О пенсиях государственного социального страхования». Как следует из имеющейся в досье информации, в период 1999–2014 годов автор не знала о вышеупомянутых изменениях в законодательстве, которые повлияли на способ расчета страхового стажа и, таким образом, отрицательно сказались на размере ее ежемесячной пенсии (пункт 7.4 Мнений).

Комитет отметил, что автор сообщения — женщина пожилого возраста, которая находится в критическом экономическом положении после того, как 20 лет ухаживала за своей дочерью с тяжелой формой инвалидности (ныне покойной), и что пересечение предполагаемой гендерной дискриминации и дискриминации по признаку ее связи с ребенком-инвалидом делает ее особенно уязвимой к дискриминации по сравнению с населением Республики Молдова в целом (пункт 7.11 Мнений).

Комитет посчитал, что государство-участник не смогло доказать, что исключение из системы социального обеспечения начиная с 1 января

¹⁰ См., например, Республика Молдова, Национальное бюро статистики, «Аналитическая записка: важность неоплачиваемой работы в Молдове» (“Analytic note: the importance of unpaid work in Moldova”), подготовленная при поддержке Программы развития Организации Объединенных Наций, Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (Структура «ООН-женщины») и правительства Швеции в рамках совместного проекта Организации Объединенных Наций, озаглавленного «Укрепление национальной статистической системы». URL: http://statistica.gov.md/public/files/publicatii_electronice/Utilizarea_timpului_RM/Note_analitice_eng/07_brosur_ENG.pdf.

1999 года лиц, осуществляющих уход за детьми с тяжелой формой инвалидности, не представляло собой косвенной дискриминации в отношении женщин с учетом того, что они, как и автор сообщения, являлись основными опекунами своих детей-инвалидов и им не предоставлялись дополнительные социальные услуги, которые позволили бы им совмещать обязанности по уходу за детьми с трудовыми обязанностями. В отсутствие ежемесячного личного дохода женщины, ухаживавшие за своими детьми-инвалидами, и в частности автор сообщения, фактически были лишены возможности вносить взносы в фонд социального страхования, в результате чего в пожилом возрасте они остались без средств к существованию. Кроме того, Комитет установил, что состояние уязвимости и незащищенности автора сообщения в результате исключения ее из пенсии по социальному страхованию на период ухода начиная с 1 января 1999 года ограничивает ее экономическую независимость и не позволяет ей своевременно пользоваться равными экономическими возможностями. Соответственно, Комитет пришел к выводу о том, что государство-участник отказало автору в равном праве на социальное обеспечение по выходу на пенсию и по старости и не предоставило ей никаких других средств экономической защиты или какой-либо адекватной компенсации, не выполнив тем самым свои обязательства по статьям 3 и 11 (пункт 1 е)) Конвенции (пункт 7.15 Мнений).

Комитет пришел к выводу, что неспособность государства-участника принять все надлежащие меры, в том числе меры законодательного характера, для обеспечения всестороннего развития и улучшения положения женщин, обеспечивающих уход за своими детьми-инвалидами, в обществе, которое традиционно возлагает обязанности по уходу на женщин, отрицательно сказалась на положении автора и, следовательно, представляет собой косвенную гендерную дискриминацию в отношении автора и нарушение обязательства государства-участника, которое предусмотрено пунктом 2 с) статьи 11 Конвенции и заключается в обеспечении для женщин возможности осуществления и пользования правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами (пункт 7.16 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым нарушило права автора, предусмотренные в статье 3 и 1 е) и 2 с) статьи 11 Конвенции (пункт 8 Мнений).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека (далее - Европейский Суд) по жалобе № 18255/10 и 5 другим

жалобам «*Томов и другие против Российской Федерации*» (вынесено 9 апреля 2019 г., вступило в силу 9 июля 2019 г.).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 30261/09 «*Мешенгов против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 26 марта 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников правоохранительных органов и необеспеченном эффективного расследования по заявлению *Мешенгова Е.В.* о жестокое обращении с ним.

Отмечено, что властями не было представлено убедительных доводов о причинах происхождения травм на теле заявителя, которые, согласно судебно-медицинскому заключению, появились в период нахождения *Мешенгова Е.В.* под контролем сотрудников милиции. Этого, как указано, достаточно для того, чтобы возникла презумпция в пользу версии заявителя о жестокое обращении с ним соответствующих сотрудников. Доводы властей о том, что травмы заявителя были причинены при преодолении его сопротивления при задержании, по мнению Европейского Суда, не нашли объективного подтверждения в представленных материалах, поскольку в них отсутствуют рапорты о применении силы (в связи с оказанным заявителем сопротивлением, об обстоятельствах получения им травм и о предоставленной ему медицинской помощи).

Применительно к неэффективности расследования факта жестокого обращения отмечено, что вместо расследования по небезосновательному заявлению о жестокое обращении следственным отделом при прокуратуре проводились доследственные проверки, по результатам которых неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись в порядке ведомственного контроля ввиду неполноты проверочных действий.

В данном контексте, со ссылкой на устоявшуюся практику Европейского Суда, указано, что проведение только доследственных проверок по небезосновательным заявлениям о жестокое обращении не может заменить полноценного расследования с проведением всех необходимых следственных действий.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам

человека по жалобе № 9759/09 «*Коняев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 26 марта 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников правоохранительных органов и необеспечением эффективного расследования в связи с заявлением *Коняева С.Н.* о жестоким обращении с ним.

Отмечено, что травмы на теле заявителя появились после того, как он провел 3 дня под контролем сотрудников милиции. Этого, как указано, достаточно для того, чтобы возникла презумпция в пользу версии заявителя о жестоким обращении. Кроме того, эта презумпция еще более усилена тем, что заявитель в течение 14 часов содержался в отделе внутренних дел без составления протокола задержания и допрашивался без обеспечения доступа к адвокату и к другим правам, которые должны быть предоставлены подозреваемому в совершении преступления.

При таких обстоятельствах имелись достаточно четкие признаки жестокого обращения и согласно Конвенции власти, даже в отсутствие жалоб заявителя, обязаны были провести надлежащее расследование, однако этого сделано не было. Доводы властей о том, что травмы заявителя были причинены при преодолении его сопротивления при задержании, как отметил Европейский Суд, не нашли объективного подтверждения в представленных материалах, поскольку в них отсутствуют рапорты о применении силы (в связи с оказанным заявителем сопротивлением, об обстоятельствах получения им травм и о предоставленной ему медицинской помощи), а также имеется протокол задержания заявителя, согласно которому сотрудники правоохранительных органов не применяли физической силы и специальных средств в момент задержания.

Обращено внимание также на то, что при наличии небезосновательных утверждений *Коняева С.Н.* о жестоким обращении с ним со стороны сотрудников органов внутренних дел, подтверждавшихся результатами его осмотра при водворении в следственный изолятор, власти не провели надлежащего расследования.

По результатам доследственных проверок неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись в порядке ведомственного контроля и признавались незаконными районным судом г. Р. ввиду неполноты проверочных действий.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 27728/08 и 44353/08 «*Быковцев и Прачев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 21 мая 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции ввиду жестокого обращения с заявителями со стороны сотрудников правоохранительных органов и необеспечением эффективного расследования по данному факту.

Отмечено, что травмы у заявителей появились в период содержания в органе внутренних дел, что было зафиксировано как медицинскими работниками ИВС и СИЗО при водворении в них *Быковцева В.Г.* и *Прачева С.Д.*, так и сотрудниками больницы общей системы здравоохранения. Кроме того, как указано, оставлена без внимания схожесть показаний заявителей с показаниями иных лиц, в том числе лица, задержанного вместе с ними, о применении к заявителям насилия, а также не обеспечено надлежащее проведение судебно-медицинских экспертиз травм заявителей (результаты экспертизы в отношении *Быковцева В.Г.* были получены спустя 3 года и 11 месяцев, а в отношении *Прачева С.Д.* экспертиза вообще не проводилась). Данных фактов достаточно для того, чтобы возникла презумпция в пользу версии заявителей о жестоком обращении. Вместе с тем, небезосновательные утверждения заявителей были отклонены следственным отделом на основании показаний сотрудников милиции и следователя в рамках доследственных проверок, проведение которых по таким заявлениям о жестоком обращении не может заменить полноценного расследования с проведением всех необходимых следственных действий.

По результатам доследственных проверок неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись в порядке ведомственного контроля.

Установлено также нарушение статьи 3 Конвенции в связи длительным одиночным содержанием *Быковцева В.Г.* на протяжении 3 лет без приведения надлежащих мотивов применения и продления данной меры, а также оценки всех обстоятельств, в том числе поведения и состояния заявителя, и без учета того, что такое решение может применяться в исключительных случаях и только после того, как были исчерпаны все другие меры и что при применении такой меры должна быть обеспечена система регулярного контроля физического и морального состояния заключенного, соответствующая продолжающемуся нахождению его в одиночной камере; пункта 3 статьи 5 Конвенции - в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей без приведения надлежащих мотивов продления данной меры пресечения и без рассмотрения возможности применения иных мер пресечения; п. 4 ст. 5 Конвенции - в связи с необеспечением личного участия *Быковцева В.Г.* в судебном заседании при рассмотрении вопроса о продлении ему меры пресечения в виде содержания под стражей; статьи 8 Конвенции в связи с определением *Быковцеву В.Г.* места отбывания наказания вдали от членов его семьи.

практика Комитета по правам человека¹¹

Сообщения Комитета по правам человека от 24 июля 2019 г. по делу *Юрий Оркин против Российской Федерации* (сообщение № 2410/2014).

Правовые позиции Комитета: непринятие государством-участником мер по расследованию утверждений об имевших место нарушениях может само по себе рассматриваться в качестве отдельного нарушения Пакта¹². Комитет подтверждает, что Пакт не предоставляет отдельным лицам права требовать от государства-участника уголовного преследования другого лица¹³. Он, тем не менее, считает, что государство-участник обязано провести незамедлительное, беспристрастное и тщательное расследование предполагаемых нарушений прав человека, обеспечить преследование подозреваемых лиц и наказание тех, кто несет ответственность за подобные нарушения¹⁴, а также предоставить возмещение в других формах, включая компенсацию¹⁵ (пункт 13.4 Сообщений).

Комитет напомнил, что в соответствии со статьей 9 (пункт 1) [Пакта] никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей и никто не должен быть лишен свободы, иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Комитет напоминает также, что в соответствии со статьей 9 (пункт 2) каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение (пункт 13.5 Сообщений).

Комитет также напомнил, что положения пункта 3 b) статьи 14 [Пакта] являются важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей¹⁶. Право сношения с защитником требует, чтобы обвиняемому

¹¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

¹² См. Замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14; и замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства - участники Пакта, пункт 15. См. также *Аскарлов против Кыргызстана* (CCPR/C/ 116/D/2231/2012), пункт 8.3; *Батанов против Российской Федерации* (CCPR/C/120/D/2532/ 2015), пункт 11.2.

¹³ См., например, *Х. против Шри-Ланки* (CCPR/C/120/D/2256/2013), пункт 7.4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 32.

был предоставлен скорый доступ к защитнику¹⁷. Защитнику должна быть предоставлена возможность встретиться со своим клиентом без свидетелей и общаться с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения¹⁸ (пункт 13.6 Соображений).

Комитет подчеркнул, что в случае назначенных адвокатов очевидно неправомерное поведение или некомпетентность может повлечь за собой ответственность соответствующего государства за нарушение пункта 3 d) статьи 14 [Пакта] при условии, что судье будет ясно, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия¹⁹ (пункт 13.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что 13 сентября 2005 года в 2.00 он был задержан несколькими людьми в штатском, которые ворвались в квартиру его друга, не представившись сотрудниками милиции, и затем был доставлен к близлежащей реке, где он подвергся физическому насилию, включая погружение в воду, и психологическому давлению с целью получения признательных показаний в отношении нескольких преступлений, совершенных за два дня до этого... В 5.00 автора доставили в местное отделение милиции, где его вновь избили и в течение 15 часов держали в наручниках и мокрой одежде без пищи и воды. Комитет... принимает к сведению утверждение автора о том, что в ходе допроса следователем позднее в тот же день он пожаловался на телесные повреждения, которые были хорошо видны на его лице и которые он получил от сотрудников милиции. Однако следователь проигнорировал его жалобы..., и в результате медицинская экспертиза полученных травм была проведена только 21 сентября 2005 года, после того как его новый адвокат подал официальную жалобу в прокуратуру. Медицинская экспертиза показала, что автор получил легкие травмы лица, рук и ног... Комитет также принял к сведению заявление государства-участника о том, что автор был задержан 13 сентября 2005 года в 5.00 и что после его помещения в ИВС на избияния сотрудниками милиции он не жаловался... После подачи жалобы адвокатом автора... межрайонной прокуратурой была начата процедура проверки. Однако в ходе этой проверки автор отказался давать показания. Следователь допросила трех сотрудников милиции, которые пояснили, что во время задержания автор оказывал активное сопротивление милиции, а именно схватил утюг и стал прорываться к выходу из квартиры, замахиваясь на сотрудников милиции, в связи с чем для его задержания сотрудники применили силу. Таким образом, по результатам проверки был сделан вывод, что сотрудники милиции действовали в рамках своих полномочий, и было отказано в возбуждении в отношении них уголовного дела... Комитет далее

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 38.

отмечает, что в 2008 году была проведена повторная проверка, в результате которой в возбуждении уголовного дела в отношении этих сотрудников милиции было также отказано ввиду отсутствия состава преступления... Это решение было оставлено без изменений... районным судом и Красноярским краевым судом, которые постановили, что при задержании автора сообщения сотрудники милиции действовали в пределах своих полномочий. Наконец, в 2013 году... районный суд отклонил еще одну жалобу автора сообщения на противоправные действия милиции в ночь его ареста в связи с отсутствием оснований для возбуждения уголовного дела в отношении сотрудников милиции (пункт 13.2 Соображений).

Комитет отмечает, что, хотя по сообщениям государства-участника оно неоднократно проводило проверки по заявлениям автора, ничто не свидетельствует о том, что эти проверки проводились оперативно либо что они проводились эффективно. Комитет подчеркивает, что первые утверждения о жестоком обращении были сделаны автором в день его задержания 13 сентября 2005 года, когда на его лице были хорошо видны телесные повреждения, а первая проверка этих утверждений началась только после подачи жалобы адвокатом 20 сентября 2005 года. Кроме того, как явствует из заявлений сторон, один из ключевых свидетелей, друг автора, в квартире которого он был задержан, не был допрошен властями для выяснения обстоятельств задержания автора или того, действительно ли автор был задержан в 2.00, как он утверждает, а не в 5.00, как это зафиксировано в официальном протоколе (пункт 13.3 Соображений).

[Н]икакие материалы дела не позволили [Комитету] прийти к выводу о том, что расследование утверждений автора о жестоком и бесчеловечном обращении с ним было проведено властями оперативно и эффективно. Поэтому Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7, рассматриваемой в совокупности со статьей 2 (пункт 3) Пакта (пункт 13.4 Соображений).

С учетом изложенного Комитет... пришел к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пунктам 1 и 2 статьи 9 Пакта (пункт 13.5 Соображений).

Комитет принял к сведению жалобу автора по пункту 3 б) статьи 14 [Пакта] на то, что... суд не обеспечил конфиденциальной встречи с его адвокатом до подачи кассационной жалобы 25 декабря 2007 года..., хотя 22 октября 2007 года автор обратился в... суд с ходатайством о назначении ему адвоката для рассмотрения его кассационной жалобы и обеспечении конфиденциальной встречи с этим адвокатом до рассмотрения кассационной жалобы... В этой связи автор жалуется на то, что ему была предоставлена возможность общения с адвокатом только по видеосвязи из зала суда в день судебного заседания, во время которого, как он утверждает, присутствовали и другие лица... Однако автор далее признает, что этими лицами были прокурор и судебный работник, присутствовавшие в зале суда (где они имели право присутствовать), а также

сотрудник конвойной службы и компьютерный техник, которые находились по другую сторону решетки и «могли видеть и слышать его»... В этой связи Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что... суд провел изучение вопроса о том, каким образом обеспечивается право на юридическую помощь..., когда обвиняемые участвуют с помощью видеосвязи, и что по результатам изучения установлено, что видеозвонки осуществляются до начала судебного заседания и в зале суда во время таких звонков присутствует только защитник... С учетом тяжести обвинений, выдвинутых по данному делу, Комитет считает, что непредоставление... судом автору конфиденциальной встречи со своим назначенным адвокатом заблаговременно до рассмотрения апелляции, будь то по видеосвязи или лично, нарушает требования статьи 14. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 3 b) статьи 14 Пакта (пункт 13.6 Соображений).

В отношении жалобы автора на то, что его назначенный адвокат не присутствовал на заседании... районного суда 15 сентября 2005 года, в ходе которого суд санкционировал арест автора..., Комитет отмечает, что адвокат был назначен следователем по данному делу и присутствовал на допросе 14 сентября 2005 года. Однако этот адвокат не присутствовал на допросе автора 15 сентября 2005 года... и на судебном заседании, которое состоялось позднее в тот же день и на котором был санкционирован его арест. Кроме того, по словам автора, новый адвокат был назначен ему только 20 сентября 2005 года, когда уже истек трехдневный срок для обжалования его ареста... С учетом этих обстоятельств и в отсутствие других соответствующих замечаний государства-участника в этой связи Комитет считает, что были нарушены права автора по пункту 3 d) статьи 14 Пакта (пункт 13.7 Соображений).

Выводы Комитета: представленная ему информация свидетельствует о нарушении государством-участником статьи 7, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 (пункт 3), 9 (пункты 1 и 2) и 14 (пункт 3 b) и d)) Пакта (пункт 14 Соображений).

Согласно пункту 3 a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. Соответственно государство-участник обязано, среди прочего, принять соответствующие меры для предоставления автору компенсации за совершенные в отношении него нарушения. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры в целях недопущения подобных нарушений в будущем (пункт 15 Соображений).

Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам,

находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на официальном языке государства-участника (пункт 16 Соображений).

право обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность

практика Комитета по правам человека

См. вышеприведенные постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 27728/08 и 44353/08 *«Быковцев и Прачев против Российской Федерации»*, а также Соображения Комитета по правам человека от 24 июля 2019 г. по делу *Юрий Оркин против Российской Федерации* (сообщение № 2410/2014).

право обвиняемого на публичное судебное разбирательство

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 1750/11 *«Самойлов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением закрытого слушания по делу заявителя по мотиву наличия сведений, составляющих государственную тайну.

Одновременно Судом признана явно необоснованной и отклонена жалоба заявителя на якобы имевшее место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с раскрытием в телепередаче информации о его доходах. Отмечено, что вопрос правомерности распространения в средствах массовой информации соответствующих сведений был предметом рассмотрения национальных судов, которые установили, что оспариваемая телепрограмма способствовала обсуждению вопросов, представляющих общественный интерес, информируя общественность об уголовном расследовании деятельности группы бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов. Национальные суды, как указано, установили, что оспариваемая заявителем информация имела достаточную фактологическую основу и что она являлась мнением журналиста, который изучил доказательства, полученные в ходе расследования уголовного дела, и на их основе сделал собственные выводы. Сочтено, что суды при рассмотрении дела заявителя обоснованно

установили, что общественный интерес перевешивал частный интерес заявителя.

Суд отметил, что «в уголовном деле в отношении заявителя городской суд назначил судебное разбирательство в закрытом заседании, сославшись на наличие государственной тайны в материалах дела... В этой связи Суд нап[ом]нил, что один лишь факт присутствия засекреченной информации в материалах дела не предусматривает автоматически необходимость проведения закрытого слушания без соблюдения баланса между публичностью и соображениями национальной безопасности. Сохранение тайн может иметь важное значение для государства, но гораздо важнее обеспечить правосудие с соблюдением всех необходимых гарантий, из которых одной из наиболее важных является гласность. Прежде чем исключить присутствие общественности из уголовного процесса, суды должны сделать конкретные выводы о том, что слушание при закрытых дверях необходимо для защиты важных государственных интересов и ограничить секретность в той мере, в какой это необходимо для защиты таких интересов» (пункт 21 постановления).

Суд не увидел в доводах Властей ничего, что говорило бы о том, что в настоящем деле эти условия были выполнены. Городской суд не указал оснований для проведения судебного разбирательства при закрытых дверях. Он не указал, какие документы в материалах делах считались содержащими государственную тайну или какое отношение они имели к характеру предъявленных заявителю обвинений. В любом случае, по мнению Суда, меры, применяемые для обеспечения защиты государственной тайны, должны тщательно подбираться в каждом конкретном деле и соответствовать принципу необходимости. «Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими и обеспечивают достижение той же цели... Суд отме[тил], что в настоящем деле суд первой инстанции не предпринял таких усилий. Это не объясняет, почему, к примеру, нельзя было провести при закрытых дверях лишь ту часть слушаний, на которых были рассмотрены секретные документы» (пункт 22 постановления).

Суд не оставил без внимания тот факт, что слушание дела в кассационной инстанции²⁰ было открытым. Однако, как уже неоднократно отмечалось ранее, проведение закрытого слушания не может быть исправлено ничем иным, кроме как проведением пересмотра дела полностью в вышестоящей судебной инстанции (пункт 24 постановления).

Что касается жалобы заявителя в части раскрытия его личной информации в телепередаче, то Суд признал, что освещение в телевизионной программе уголовного расследования по делу заявителя, сопровождаемое

²⁰ Речь идет о кассационной инстанции по уголовным делам, действовавшей на ноябрь 2010 г.

показом его фотографии, справки о доходах и видеозаписей его дома, затрагивало сферу его личной жизни по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции (пункт 30 постановления).

При этом, Европейский Суд обратил внимание на то, что «вопрос в настоящем деле заключается не в действии государства, а в предполагаемой недостаточности обеспеченной внутригосударственными судами защиты личной жизни заявителя. Ссылаясь на принципы, прочно установившиеся в практике Суда..., он рассмотрит вопрос о том, был ли обеспечен справедливый баланс между правом заявителя на защиту его личной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции и правом журналиста на свободу выражения, гарантированным статьей 10» (пункт 31 постановления).

По мнению Европейского Суда, национальные судебные органы признали конфликт между двумя противоположными интересами и обеспечили баланс между конкурирующими интересами.

Так, Суд согласился с мнением судов Российской Федерации о том, что оспариваемая телевизионная программа способствовала обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес, информируя общественность об уголовном расследовании деятельности группы бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц. Суд также отме[тил], что национальные суды вне разумного сомнения установили, что оспариваемая заявителем информация имела достаточную фактологическую основу, учитывая, что журналист получил ее официально из материалов уголовного дела. Суды сочли, что информация, представленная в телевизионной программе, являлась мнением журналиста, который изучил доказательства, полученные в ходе расследования уголовного дела, и на этом основании сделал свои собственные выводы (пункт 33 постановления).

Суд посчитал, что «государство обеспечило адекватную защиту прав заявителя, изложенных в статье 8 Конвенции. Национальные суды тщательно изучили этот вопрос и обеспечили баланс между конкурирующими интересами в соответствии со стандартами Конвенции и опирались на существенные и достаточные основания... Телевизионная программа транслировалась в контексте дебатов по вопросу, представляющему общественный интерес, в связи с чем требовался высокий уровень защиты свободы выражения мнения, и при этом властям предоставлялись особенно узкие пределы свободы усмотрения. Таким образом, суды обоснованно установили, что общественный интерес в представлении рассматриваемой информации перевешивал право заявителя на защиту его личной жизни» (пункт 34 постановления).

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод решения Европейского Суда по правам человека по жалобе № 34839/11 **«Выборнова Елена Михайловна против Российской Федерации»** (вынесено 26 марта 2019 г.), которым указанная жалоба была признана неприемлемой. Заявитель жаловалась на то, что она была осуждена заочно, не имея возможности представить свою защиту в национальных судах.

Европейский Суд обратил внимание на то, что «[х]отя судебные разбирательства, которые проводятся в отсутствие обвиняемого, сами по себе не противоречат статье 6 Конвенции, отказ в правосудии, тем не менее, несомненно возникает в тех случаях, когда лицо, осужденное заочно, не может впоследствии получить от суда, который рассматривал дело, результаты последнего рассмотрения конкретных обстоятельств дела, связанных с обвинением, как по закону, так и фактически, в случае, когда не было установлено, что он отказался от своего права появляться и защищать себя самостоятельно» (пункт 26 решения).

При этом, по мнению Суда, «[н]и буква, ни дух статьи 6 Конвенции не препятствуют лицу в добровольном отказе, прямом или подразумеваемом, от права на гарантированное справедливое судебное разбирательство... Однако для того, чтобы быть действительным для целей Конвенции, отказ от права на участие в судебном разбирательстве должен быть установлен недвусмысленным образом и при этом должен сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми с его значением» (пункт 27 решения).

Суд отметил, что «в тех случаях, когда лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, не было уведомлено лично, вывод о том, что лицо отказалось от своего права явиться в суд и защищать себя самостоятельно не может основываться лишь на том, что лицо обладает статусом «скрывающегося от правосудия» (который сам по себе основан на презумпции, которая не имела достаточной фактографической основы)... Он также имел возможность указать, что говорить о косвенном, посредством своих действий, отказе обвиняемого от своего основного права, гарантированного статьей 6 Конвенции, можно только в том случае, если он при этом ясно осознавал последствия этих действий... В то же время национальные власти вправе оценить, привел ли обвиняемый веские основания для своего отсутствия или что в материалах дела были какие-либо доказательства того, что он отсутствовал по независящим от него причинам» (пункт 28 решения).

Суд постановил, что «информирование кого-либо о судебном преследовании, инициированном против него, является правовым актом

такой степени важности, что оно должно осуществляться в соответствии с процессуальными и материальными требованиями, способными гарантировать эффективное осуществление права обвиняемого; туманное и неопределенное знание не может являться достаточным... Суд, однако, не может исключить возможность того, что некоторые установленные факты могут дать недвусмысленное указание на то, что обвиняемый осведомлен о существовании против него уголовного производства, а также о характере и причине обвинения, и на то, что он не намерен принимать участие в судебном процессе или желает избежать судебного преследования. Это может быть, например, тот случай, когда обвиняемый публично или в письменном виде заявляет, что он не намерен отвечать на судебные повестки, о которых ему стало известно из других источников, помимо властей, или когда ему удастся уклониться от попытки ареста..., или когда материалы доводятся до сведения властей, которые однозначно показывают, что ему известно о судебном разбирательстве, возбужденном против него, и об обвинениях, с которыми он сталкивается» (пункт 29 решения).

Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд отметил, что «полиция допросила заявителя в качестве подозреваемого лица, прежде чем она уехала в Чешскую Республику летом 2005 года. В сентябре 2005 года заявителю было предъявлено обвинение в растрате и отмывании денег, и национальный суд заключил ее под стражу. В августе 2006 года заявитель подала ходатайство о предоставлении убежища в Чешской Республике, указав, что... она опасается несправедливого судебного разбирательства, лишения свободы и от[ъема] ее несовершеннолетнего ребенка, если она вернется в Россию. Ее запрос был удовлетворен, и ей была предоставлена дополнительная защита. В удовлетворении ходатайств российских властей об экстрадиции заявителя было отказано. Таким образом, для Суда очевидно, что заявитель решила держаться подальше от России и воздерживаться от прямого участия в уголовном процессе против нее задолго до судебного разбирательства. При таких обстоятельствах она может считаться достаточно осведомленной о судебном преследовании и выдвинутых против нее обвинениях и о том, что она сознательно решила не присутствовать на слушаниях в судах первой инстанции и в кассационном суде» (пункт 30 решения).

Европейский Суд установил, что власти объявили заявителя в розыск и безуспешно пытались ее экстрадировать. В сложившихся обстоятельствах, по мнению судов Российской Федерации, ее неявка не помешала рассмотрению дела в соответствии с частью 5 статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса (пункт 30 решения).

Европейский Суд также обратил внимание на то, что «интересы заявителя в ходе судебных разбирательств защищали частный адвокат А. и назначенный государством адвокат З. Назначенному государством адвокату было направлено уведомление о различных этапах судебного разбирательства, включая осуждение заявителя. Похоже, что вначале у А. были некоторые трудности с получением доступа к делу, поскольку... она

нарушила некоторые формальности. Однако ей разрешили заняться этим делом после того, как все формальности были ею соблюдены. Более того, похоже, что она поддерживала контакт с назначенным государством адвокатом и подала кассационную жалобу против вынесенного приговора. В сложившихся обстоятельствах Европейский Суд не может прийти к иному заключению, кроме как сделать вывод о том, что все права заявителя в ходе уголовного судопроизводства были соблюдены» (пункт 32 решения).

С учетом изложенного Суд признал, что жалоба, касающаяся заочного разбирательства дела заявителя, является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 3, подпунктом «а» и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

право обвиняемого на участие защитника

практика Комитета по правам человека

См. вышеприведенные **Соображения** Комитета по правам человека от 24 июля 2019 г. по делу *Юрий Оркин против Российской Федерации* (сообщение № 2410/2014).

вопросы семейно-бытового насилия

практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2019 г. по делу *Ш. Т. против Российской Федерации* (сообщение № 65/2014).²¹

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктом 6 его [О]бщей рекомендации № 19 дискриминация по смыслу статьи 1 Конвенции включает в себя насилие в отношении женщин по признаку пола. Такая дискриминация не ограничивается действиями, которые совершаются государствами-участниками или от их имени. Напротив, в соответствии с пунктом е) статьи 2 ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, могут также нести государства-участники, если они не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или расследования актов насилия или наказания виновных, а также за предоставление компенсации (пункт 9.3 Мнений).

²¹ Автор сообщения утверждала, что Российская Федерация нарушила ее права, гарантированные в соответствии с пунктами с) и d) статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом а) статьи 5 Конвенции, поскольку власти не смогли предотвратить и эффективно расследовать жестокое физическое и психологическое насилие, совершенное в отношении нее ее бывшим мужем.

Конвенция возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, нарушающие положения Конвенции²². Комитет подчеркивает также, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принятия мер в целях ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и преобразования и изменения гендерных стереотипов и устранения ошибочных гендерных стереотипных представлений — коренной причины и следствия дискриминации в отношении женщин²³. Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти и частными субъектами²⁴ (пункт 9.4 Мнений).

Комитет напомнил, что в соответствии с пунктами а) и с)–е) статьи 2 и пунктом а) статьи 5 Конвенции государство-участник обязано изменить или отменить не только действующие законы и положения, но и обычаи и практику, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин... Комитет подчеркивает, что применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым или гендерным насилием, как отмечается в [О]бщей рекомендации № 33 (2015) по вопросу о доступе женщин к правосудию²⁵ (пункт 9.5 Мнений).

[С]облюдение государством-участником своих обязательств по обеспечению эффективной правовой защиты женщин от любых дискриминационных действий и искоренению гендерных предрассудков и стереотипов в соответствии с пунктами с) и d) статьи 2 и пунктом а) статьи 5 Конвенции необходимо оценивать исходя из того, в какой мере в ходе судебного разбирательства по делу автора сообщения учитывались гендерные аспекты (пункт 9.6 Мнений).

Комитет напомнил о том, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государства-участники обязаны принимать во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника (CEDAW/C/RUS/CO/8), в которых он рекомендовал

²² *В. К. против Болгарии* (CEDAW/C/49/D/20/2008), пункт 9.11. *Л.Р. против Республики Молдова*, пункт 13.6.

²³ *Белюсова против Казахстана* (CEDAW/C/61/D/45/2012), пункт 10.10.

²⁴ *Р.К.Б. против Турции* (CEDAW/C/51/D/28/2010), пункт 8.8.

²⁵ *Л.Р. против Республики Молдова*, пункт 13.6.

государству-участнику в срочном порядке принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая семейно-бытовое насилие, предусмотреть преследование *ex officio* за семейно-бытовое и сексуальное насилие и гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом. Комитет сожалеет о недавних поправках к национальному законодательству, которые, вместо укрепления законодательства о борьбе с семейно-бытовым насилием, предусматривают декриминализацию нанесения побоев, на основании чего из-за отсутствия в российском законодательстве определения понятия «семейно-бытовое насилие» расследуются многие дела о насилии в семье²⁶. При таких обстоятельствах Комитет не может согласиться с замечаниями государства-участника о том, что его законодательство полностью соответствует стандартам и нормам, закрепленным в Конвенции (пункт 9.10 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что наказание бывшего мужа автора было соразмерно тяжести совершенного им преступления, в частности, что... районный суд признал его виновным в причинении тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта и, следовательно, приговорил его к 9 месяцам и 8 дням лишения свободы, что соответствует мерам наказания, установленным в статье 113 Уголовного кодекса. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что суд отклонил требования автора о компенсации морального и материального ущерба в соответствии с национальным законодательством (пункт 9.2 Мнений).

Комитет отметил, что обвинение *proprio motu*²⁷ обратилось в суд с ходатайством о смягчении наказания, предлагая переквалифицировать преступление, которое вменялось в вину обвиняемому, с покушения на убийство на нанесение тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта, и что районный суд отдал предпочтение версии событий, изложенной защитой, согласно которой автор неоднократно оскорбляла своего бывшего мужа, не уделив при этом равного внимания тому факту, что ранее г-ном Т... совершались акты домашнего насилия, что подтверждается свидетельскими показаниями и документами о полученных автором телесных повреждениях. Суд проигнорировал уязвимое положение автора и предыдущее осуждение г-на Т... за причинение автору телесных повреждений (пункт 9.6 Мнений).

[С]уд придал большое значение заявлениям свидетелей защиты о том, что автор вела себя провокационно, оскорбляя своего бывшего мужа, и

²⁶ Как установлено Комитетом, по состоянию на 7 февраля 2017 года нападение без причинения телесных повреждений квалифицировалось как административное, а не уголовное правонарушение.

²⁷ По собственной инициативе.

принял во внимание только позитивное описание его характера, представленное местной администрацией мечети. В то же время он не придал равного значения показаниям свидетелей, подтверждающим версию событий автора, свидетелей, которые жили под одной крышей с виновником и жертвой (пункт 9.7 Мнений).

Комитет отметил, что Верховный суд [одного из субъектов Российской Федерации] полностью поддержал решение районного суда, внося лишь одну поправку, а именно, исключив упоминание о предыдущем осуждении г-на Т... мировым судом за бытовое насилие. Кроме того, Комитет также [установил], что суды не вынесли положительного решения ни по одному из исков автора о компенсации, хотя имели на это дискреционные полномочия. Комитет [обратил внимание на то], что автор никогда не имела доступа ни к приютам, ни к бесплатной юридической помощи и представительству, как и не могла обратиться с ходатайством о вынесении запретительного судебного приказа или охрannого ордера, поскольку такие меры не предусмотрены законом (пункт 9.8 Мнений).

Комитет указал, что ни один из этих фактов²⁸ не оспаривается государством-участником и что в целом они указывают на то, что национальные органы власти, не предоставив автору эффективной юридической защиты и, не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, допустили, чтобы стереотипные представления влияли на мотивировку их решения.... Комитет при[шел] к выводу о том, что органы власти государства-участника соответствующим образом не защитили автора от домашнего насилия и не наказали виновного надлежащим образом, нарушив тем самым свои обязательства по Конвенции (пункт 9.9 Мнений).

Комитет посчитал, что невнесение государством-участником поправок в свои законодательные акты, касающиеся семейно-бытового насилия, непосредственно повлияло на право автора требовать правосудия и получать доступ к эффективным средствам правовой защиты и мерам защиты. Он также пришел к выводу, что данное дело свидетельствует о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство принять все соответствующие меры с целью изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (пункт 9.11 Мнений).

Комитет пришел к выводу о том, что с учетом [О]бщей рекомендации № 19 и [О]бщей рекомендации № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления [О]бщей рекомендации № 19, подход властей государства-участника к рассмотрению дела автора представлял собой нарушение ее прав в соответствии с пунктами с) и d) статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом а)

²⁸ См. пункты 9.6-9.8 Мнений.

статьи 5 Конвенции. В частности, Комитет признал, что автору был причинен моральный ущерб и вред. Будучи лишенной надлежащей государственной защиты, она подвергалась жестокому физическому и психологическому гендерному насилию, при этом она постоянно подвергалась жестокому обращению со стороны [бывшего] мужа... и получила повторную травму, когда государственные органы, которые должны были быть ее защитниками, в частности полиция и суд, не смогли предотвратить насилие и впоследствии не смогли адекватно наказать виновного или предоставить компенсацию потерпевшей (пункт 9.12 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым *нарушило права автора*, предусмотренные пунктами с) и d) статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом а) статьи 5 Конвенции (пункт 10 Мнений).

Комитет выносит государству-участнику *следующие рекомендации:*

а) *в отношении автора сообщения:* предоставить автору надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений ее прав;

б) *общие положения:*

i) выполнить свои обязательства в области уважения, защиты, поощрения и реализации прав человека женщин, в том числе права на защиту от всех форм гендерного насилия, включая бытовое насилие, запугивание и угрозы применения насилия на своей территории;

ii) незамедлительно пересмотреть свое законодательство в целях приведения его в полное соответствие с Конвенцией и международными стандартами, обеспечив, в частности, чтобы все акты гендерного насилия, в том числе акты насилия в семье, квалифицировались в качестве уголовных преступлений и наказывались соответствующими мерами наказания и чтобы для жертв были юридически доступны такие юридические инструменты, как запретительные судебные приказы и охранные ордера;

iii) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все сообщения о насилии в отношении женщин по признаку пола, обеспечить возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;

iv) предоставлять жертвам насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную юридическую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с методическими указаниями, изложенными в [О]бщей рекомендации № 33 Комитета, и обеспечить, чтобы жертвам насилия в семье и их детям

предоставлялась оперативная и соответствующая поддержка, включая предоставление убежища и психологической помощи;

v) предлагать правонарушителям программы реабилитации и программы использования ненасильственных методов урегулирования конфликтов;

vi) подписать и ратифицировать Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием;

vii) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, в том числе прокуроров, по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности [О]бщих рекомендаций № 19, № 28 и № 35;

viii) при активном участии всех заинтересованных сторон, таких как женские организации и религиозные лидеры, разработать и принять эффективные меры по искоренению стереотипов, предрассудков, обычаев и традиций, которые оправдывают или допускают бытовое насилие;

ix) оперативно и незамедлительно учесть заключительные замечания Комитета по восьмому периодическому докладу Российской Федерации в связи с насилием в отношении женщин и девочек.

В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику надлежит опубликовать мнения и рекомендации Комитета и обеспечить их широкое распространение во всех слоях общества (пункты 11-12 Мнений).

По вопросам семейно-бытового насилия см. также **Мнения** Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 16 июля 2019 г. по делу *X. и Y. против Российской Федерации* (сообщение № 100/2016).²⁹

²⁹ Авторы сообщения утверждали, что являются жертвами нарушения Российской Федерацией их прав, предусмотренных: статьей 1 Конвенции, с учетом общей рекомендации № 19 (1992) Комитета, касающейся насилия в отношении женщин, общей рекомендации № 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, и общей рекомендации № 33 (2015), касающейся доступа женщин к правосудию; статьями 2 b)–f) Конвенции; и статьей 5 а), рассматриваемой в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции и с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33.

Авторы обратили внимание на то, что представленные факты составляют нарушение их прав по статье 1 Конвенции с учетом Общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33. Они заявляют, что государство-участник не в полной мере выполняет положения Конвенции и, в частности, не принимает всеобъемлющее законодательство по вопросам домашнего насилия в соответствии с нормами международного права и не обеспечивает, чтобы такое законодательство вводилось в действие государственными

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

субъектами, осознающими и соблюдающими обязанность по проявлению должной осмотрительности. В результате этого власти не приняли мер по предотвращению насилия в семьях авторов сообщения; не было проведено надлежащего расследования по сообщениям об актах домашнего насилия; и ни один из нарушителей не понес наказания. Кроме того, авторам сообщения было отказано в каких-либо эффективных средствах правовой защиты.